

С.Г. Исаков

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Выпуск I

С. Г. ИСАКОВ

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

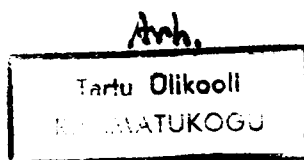
Выпуск I

Учебное пособие для студентов
филологического факультета по курсу
„Литература народов СССР“

Допущено Государственным комитетом Эстонской ССР по народному образованию в качестве учебного пособия для студентов по специальности "Русский язык и литература".

Утверждено на заседании совета филологического факультета
27 февраля 1989 года.

Рецензировано В.Невердинова, Л. Сидяков

KUSTUTATUD

10848

ДРЕВНЯЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

Закавказье, наряду со Средней Азией, – древнейший очаг литературы на территории нашей страны. Культурная история Закавказья уходит корнями в далекое прошлое. Еще в IX-VI вв. до н.э. здесь существовало государство Урарту; у урартийцев была своя литература, от которой сохранились лишь отдельные фрагменты. Вслед за тем создаются государства колхов, иберов (предков грузин), армян, мидийцев (южный Азербайджан) и кавказских албанцев (территория нынешнего советского Азербайджана). У всех этих народов были богатейшая мифология и фольклор: мифологические сказания о Хайке, Ваагне, Ара Прекрасном у армян, об Аммирани – у предков грузин, о Зардуште (Зороастре) – у мидийцев. У древних народов Закавказья имела своя развитая языческая культура, у некоторых также литература и театр, позже почти полностью уничтоженные победившим христианством и исламом. При этом культуры народов Закавказья уже с давних времен тесно связаны как с античной греческой и эллинистической культурами, так и с культурой Востока, прежде всего Ирана, поэтому они представляют собой любопытный образец западно-восточного синтеза. Связи как с Западом, так и с Востоком культуры народов Закавказья сохранили на протяжении всего древнего и средневекового периода.

В IV в. н.э. в Армении, Грузии и Кавказской Албании утверждается христианство. Вслед за тем в V в. возникает письменность и начинают создаваться литературные памятники, вначале чаще всего религиозного церковного характера. В Азербайджане с утверждением ислама в VIII в. получает распространение арабский язык.

Выгодное географическое положение Закавказья, где скрещивались торговые пути с Запада и Востока, привлекало к этому благодатному краю внешних врагов, и Закавказье было объектом непрерывных нападений персов, византийцев, в VII в. арабов, в XI в. тюрок-сельджуков, в начале XIII в. – монголов, в конце XIV – начале XV вв. полчищ Тамерлана, с XV в. – османской Турции и Персии. В результате земли Закавказья часто

подвергались страшному разорению, его народы лишались независимости, но вновь и вновь мужественно поднимались на борьбу с угнетателями.

Сходные исторические и природные условия закономерно привели и ко многим общим чертам в развитии культуры и литературы народов Закавказья и к весьма раннему формированию закавказского литературного региона. Но все же литературы Армении и Грузии, тесно связанные с миром христианства и более ориентированные в силу этого на христианский Запад, отличаются от литературы мусульманского Азербайджана, для которой характерны более близкие и продолжительные контакты с миром арабской и в особенности иранской культуры.

В X-XII вв., после освобождения от арабского ига, в Закавказье наблюдается быстрое развитие экономики, рост городов и культуры. На этой основе наступает расцвет литературы и других видов искусства, в частности архитектуры. Причем для этой эпохи характерно утверждение новой системы мировоззрения, основополагающими чертами которой являются гуманизм, интерес к земному реальному человеку, разрыв с традиционным религиозным догматизмом во взглядах на мир и человека. Такого рода воззрения характерны для Григора Нарекаци в Армении, для Шота Руставели - в Грузии, для Низами - в Азербайджане. Некоторые ученые видят в этом своеобразное проявление Восточного (или Кавказского) Ренессанса. Период XI - начала XIII вв. принято считать классическим в истории литератур народов Закавказья; это период их наивысшего расцвета в эпоху древности и средневековья.

Монгольское нашествие в 1220-1230-е гг. положило конец подъему культуры и литературы Закавказья. Монголы совершенно разорили край, народы Закавказья потеряли независимость, усилилась феодальная раздробленность, наступил упадок в области культуры и искусства, особенно заметный в Грузии. В литературе вместо монументальных героико-эпических произведений развивается философская (преимущественно мистическая) и интимно-лирическая поэзия. В ней господствуют жалобы на превратности судьбы и непостоянство мира, в целом преобладает грустная печальная тональность. Ощущение горечи жизни нередко составляет скрытый подтекст даже получившей широкое рас-

пространение любовной лирики.

Начало следующего этапа, охватывающего XVI-XVIII столетия, отмечено борьбой Турции и Ирана за обладание Закавказьем, что принесло множество бедствий его народам и привело к разделу края между этими двумя могущественными державами Востока. Однако постепенно крепнут силы сопротивления; на арене исторической жизни народов Закавказья появляется Россия, на нее теперь ориентируются передовые круги закавказского общества. Для литературы XVI-XVIII вв. характерно все усиливающееся влияние ашугской поэзии, устного народно-поэтического творчества на писателей (Наапет Кучак, Саят-Нова, Давид Гурамишвили, Вагиф). Традиции классической поэзии периода расцвета, еще сильные в XVI в. (Физули), постепенно слабеют. Идет сложный процесс подготовки новой литературы.

АРМЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Армянская культура относится к числу наиболее древних на территории СССР. Еще в I в. до н.э. в Армении, по свидетельству Плутарха, существовал театр эллинистического образца. К далекой старине восходят мифологические предания древних армян, частично известные нам по трудам армянских историков V в. О происхождении армян рассказывает легенда о Хайке и Бэле. Деспот Бэл, правивший в Междуречьи, хочет подчинить себе и вольнолюбивого Хайка, но тот решительно отказывается признать его власть и отправляется на север, в сторону горы Арарат. Бэл с огромным войском нападает на Хайка. В бою Хайк убивает Бэла, рассеивает его войско и утверждает свободу своего народа. От Хайка и ведут свое начало армяне; отсюда и название их страны — Хайастан. Космическим размахом поражает предание о рождении Ваагна (Вахагна), сына земли и моря, древнеармянского бога грозы и молнии. Прекрасна легенда об Ара Прекрасном и Шамирам. Ассирийская царица Шамирам (историческая Семирамида) влюбилась в армянского царя Ару и предлагает ему свою руку, объединение двух государств. Ара во имя любви к родине и семье отказывается. Разгневанная Шамирам отправляет огромное войско в Армению и приказывает взять Ару в плен живым. В бою Ара был убит, и все попытки Шамирам оживить возлюбленного тщетны.

В конце III — начале IV в. в Армении утверждается христианство. Однако положение страны оказывается тяжелым: в конце IV в. Армения была поделена между Персией и Византией и в начале следующего столетия окончательно лишилась своей государственности. И византийцы, и в особенности огнепоклонники-персы стремились уничтожить армян как народность, ассимилировать их. В этих условиях для армян очень важным стало создание своей литературы, которая могла бы поднимать национальное самосознание народа, сплачивать его силы для борьбы с внешним врагом, утверждать и защищать родную религию. В 405 г. монах Месроп Маштоц создает армянский алфавит, состоящий из 36 букв и великолепно передающий звуковой состав армянского языка. Вместе со своими учениками он раз-

вернул грандиозную деятельность по просвещению армян, по переводу на армянский язык церковных и богослужебных книг, в частности Библии (до той поры богослужения и проповеди в Армении велись на непонятных народу греческом и сирийском языках).

С этого времени и начинается развитие армянской литературы. Она создается на древнеармянском литературном языке грабар (= письменный язык). Вначале преобладают переводы, но очень скоро появляются и оригинальные литературные памятники. Заметим, что художественная литература в древний период (V–IX вв.) еще не отделилась от нехудожественной, от "деловой" письменности.

В древнеармянской словесности можно выделить 3 группы произведений: церковно-богословские, историко-художественные и научные. В первой из них наиболее интересны образцы агиографии (жития святых) и только еще возникающей духовной поэзии (духовные песни шароканы, в которых преобладают либо славословие, гимн, либо моление, покаяние). В научной прозе особенно важны сочинения по философии. В труде первого крупного армянского философа Езника Кохбаци (V в.) "Опровержение ересей" не только обличается язычество и огнепоклонство, защищаются догматы христианства, но и разбирается широкий комплекс философских проблем: что такое "истина", "душа", в чем единство мира, свобода воли, каковы взаимоотношения души и тела и пр.

Все же самую интересную часть оригинальной армянской литературы V, "золотого", века составляют труды историков. Они чаще всего носят название "История Армении" и представляют собой ценнейший источник для воссоздания прошлого армян и соседних с ними народов. Однако это не только и даже не столько научные труды, сколько художественные произведения. Такая форма изложения исторического материала обуславливалась их функциональной направленностью: они должны были не просто знакомить читателей с прошлым Армении, но и поднимать патриотический дух читателей, воодушевлять их на борьбу за освобождение отчизны из-под ига чужеземцев. Для этого "Истории" должны были и эмоционально воздействовать на читателей, быть художественными по форме. Это особенно заметно в труде

Египт, в котором описывается восстание армян против персов в середине V в., возглавляемое Варданом Мамиконяном и получившее поэтому название "войны Варданидов".

Лучшим же образцом исторической прозы заслуженно считается "История Армении" Мовсеса Хоренаци (V в.). Если другие историки описывали лишь отдельные периоды прошлого Армении (Агатангехос — обращение армян в христианство, Павстос Бюзанд — последующие события IV в.), то Хоренаци дает полную систематическую историю Армении от ее начала до 430-х гг. При рассказе о древнейшем периоде истории страны Хоренаци широко прибегает к мифологическим преданиям, к материалу фольклора. Вообще он использует большое число источников — как письменных, так и устных, причем впервые в армянской историографии заметны попытки критического подхода к ним. Хоренаци первым вводит четкую периодизацию истории Армении, датировку важнейших событий. Можно утверждать, что в его труде есть определенная концепция, философия истории Армении. Хоренаци стремится рассматривать прошлое Армении на широком фоне мировой истории, в связи с историей других стран. Он утверждает мысль о равноправии армян с другими народами мира. В этом сказывается глубокий патриотизм автора, его стремление использовать свой труд для того, чтобы воодушевить современников на борьбу.

Последующие столетия (VI-IX вв.) из-за крайне неблагоприятных исторических условий (персидское и византийское иго, сменившееся в VII в. арабским) дали литературе меньше, нежели "золотой" V век. Но все же и в эти столетия продолжает развиваться историография, научная проза, религиозно-богословская литература, духовная поэзия. В посвященной истории кавказских албанцев труд историка VII в. Мовсеса Каганкатваци включено одно из интереснейших творений чисто светского содержания — "Плач на смерть великого князя Джевانشира" Давтака Кертога (= Поэта) — плач-элегия на вероломное убийство правителя Албании. Это, кстати, один из первых известных нам литературных памятников, созданных на территории Азербайджана.

C X в., после освобождения от арабского ига, начинается период расцвета средневековой Армении, продолжавшийся до

монгольского нашествия. Правда, в середине XI в. он был временно прерван нападением тюрок-сельджуков. Это был период развитого феодального общества, в недрах которого, однако, начинают уже вырывать первые элементы новых буржуазных отношений. Из-за неблагоприятных внешних обстоятельств им, впрочем, не суждено было сложиться в развитую систему буржуазного строя. В Армении замечен рост городов, торговли – армянские торговые колонии появляются во многих странах. В городах бурно развиваются ремесла, на арену общественной жизни вступает "третье сословие" – горожане, ремесленники и купцы.

Все это вызвало в X–XIII вв. перелом в сознании людей, в их мировосприятии. Рушится авторитет традиционной христианской системы взглядов на мир. Получают распространение еретические учения, среди которых особенно влиятельным было в X–XI вв. движение тондракийцев, отрицавших догматы официальной церкви и вместе с тем и основы феодального строя, требовавших равенства между людьми. В этих условиях зарождается новый гуманистический взгляд на человека и мир, близкий к ренессансному. Для него характерно открытие человека и природы как самостоятельных ценностей, утверждение права человека на независимое существование, прославление разума и чувств человека, до тех пор объявлявшихся церковью греховными. Эту эпоху иногда называют периодом армянского Возрождения.

В X–XIII вв. в Армении наблюдается расцвет науки, литературы и искусства, в особенности архитектуры и миниатюры. В литературе постепенно укрепляется светское начало, в ней заметны гуманистические тенденции, хотя утверждение новых принципов дается писателям не без внутренних мучительных колебаний, сомнений: новая эпоха – это эпоха переходная, эпоха сложных и не всегда разрешимых противоречий. Армянская литература становится многожанровой: в ней появляются поэмы, различные типы лирики, прозаическая басня. На этот период падает и завершение создания армянского народного эпоса "Давид Сасунский".

Предренессансные тенденции в литературе, переломный противоречивый характер эпохи ранее всего отразились в творчестве Григора Нарекаци (951–1003), которое открывает новый

период в истории армянской литературы. Он родился в семье епископа, получил образование в Нарекском монастыре и вскоре стал монахом, а позже и наставником в этом монастыре, где он провел почти всю жизнь (отсюда и его прозвище Нарекаци, что значит "Нарекский", "из Нарека").

Как справедливо отмечает один современный исследователь, Нарекаци как бы стоит на стыке двух эпох, двух систем мировоззрения - средневекового, церковного и предренессансного, гуманистического. Он не смог оторваться от первого, во многом живет в мире христианских представлений, но в то же время исполнен сомнений в большинстве христианских догм, исполнен человечности, уважения к человеку. Это противоречие и вызывает духовную трагедию Нарекаци, его душевное беспокойство, пронизывающее всю его поэзию. Главное, что в его поэзии появился живой человек с его чувствами и переживаниями. Нарекаци не чуждается природы и рисует ее в своих песнях. Все это было новым в армянской поэзии.

Творческое наследие Нарекаци довольно велико, но самую ценную его часть составляют песни-таги и поэма "Книга скорбных песнопений".

Песни Нарекаци обычно посвящены христианским праздникам, но их он воспевает в аллегорической форме, посредством живых образов, взятых из реальной жизни и из мира природы. Иногда лишь концовка стихотворения говорит об их религиозном характере, само же содержание их воспевает красоту человека и природы. Так, одна из песен, где восхваляется богородица, превращается в гимн женской красоте, причем поэт рисует нам яркий портрет земной реальной женщины. В "Песне Вардавар" (Преображения) даны впечатляющие картины живой, вечно обновляющейся природы. Божественное наделяется человеческими качествами, а земное приобретает, наоборот, божественные черты. Бог, человек и природа как бы составляют некое единое целое.

Поэма Нарекаци "Книга скорбных песнопений" (1002) состоит из 95 глав и насчитывает более 10 000 стихотворных строк. Внешне это обращение к богу с покаянием. Бог для поэта - высший идеал и, как средневековый мистик, Нарекаци (кстати, возможно связанный с ересью тон-

дракийцев) жаждет слиться с богом, дабы придти к идеалу, совершенству, гармонии. Путь к этому лежит через покаяние, молитвы, внутреннее очищение от пороков. Но, увы, земной человек не может достичь этого – он слишком связан с землей, с плотью, он погряз во грехах. Лирический герой Нарекаци напоминает героев Ф.М. Достоевского: он как бы впитал в себя все грехи мира и нигде не находит покоя, раздираем внутренними противоречиями, душа его раздвоена. Он жаждет цельности, однако добиться ее не в состоянии. И все же автор не теряет надежды на спасение, остается его мечта о гармоническом сочетании тела и души.

Противоречив не только человек, противоречива, исполнена тьмы и грехов сама окружающая поэта действительность. В жизни он не видит ничего светлого, там все бесчеловечно и сурово, причем в ней Нарекаци отмечает и характерные пороки феодального строя. Он смотрит на мир глазами угнетенного, скорбящего человека, который видит в жизни одни бедствия, несчастья, горе. Не может примириться поэт и с ужасом смерти, которую считает величайшей трагедией жизни, тем более, что впереди перед ним маячит лишь страшный образ ада.

Для творческой системы Нарекаци характерна любовь к повторам, к нагнетанию синонимических образов – метафор, эпитетов, сравнений (до 50 подряд). Любил он использовать и принцип антитезы, причем как смысловой, так и стилистической (низкое – возвышенное).

Светское начало еще более усиливается в творчестве Нерсеса Шнорали (= Благодатного; II0I-II73), который был епископом, а позже католикосом Киликии и выступал не только как писатель, но и как композитор, общественный деятель. В его обширном творческом наследии есть и религиозно-дидактические сочинения, но все же главное место в нем занимает поэма "Э л е г и я н а в з я т и е Э д е с с ы" ("Плач об Эдессе", II45-II46) – одно из первых чисто светских произведений на современную тему в армянской поэзии. Поэма посвящена захвату мусульманами христианского города Эдессы в II44 г. Вся поэма построена на прозопопее: Эдесса представлена в виде вдовы, которая оплакивает свое горе. Судьба Эдессы была схожа с судьбой многих армянских городов, вот почему на ее раз-

рушение отвечают плачем и другие города и сама поэма исполнена патристического пафоса борьбы с внешним врагом.

Светское гуманистическое начало окончательно побеждает в армянской прозаической басне, расцвет которой относится к XII-XIII вв. Большая часть этих басен в XIII в. была объединена в сборник "Лисья книга", который был переведен на арабский язык, а с арабского на многие европейские и получил широкую известность. Значительная часть этих басен принадлежит двум армянским авторам - Мхитару Гошу и Вардану Айгекци.

Мхитар Гош (ок. 1130-1213) был видным церковным деятелем, автором замечательного для своего времени "Судебника", в котором он пытался упорядочить на прогрессивных началах юридические нормы развитого феодального общества. Вардан Айгекци, младший современник Мхитара Гоша, был странствующим проповедником, тесно связанным с низами общества. В своих баснях, нередко напоминающих небольшие занимательные рассказы, списанные прямо с жизни, они отразили многие стороны тогдашней армянской действительности, в особенности процесс классового расслоения армянского общества, социальное неравенство, угнетение народа, алчность и корыстолюбие князей и церковников (см. басни Айгекци "Аист и пташка", "Церковь и мельница", "Бедняк и Евангелие" и др.). Эта критика феодальных порядков, социальной несправедливости, продажности духовенства ведется с позиций низов, по-видимому, прежде всего горожан, ремесленников. Причем Вардан Айгекци в своей критике сильных мира сего и господствующей неправды значительно смелее, последовательнее Мхитара Гоша. Армянские баснописцы выступают и против феодальной раздробленности, разорительных междоусобных войн, против человеческих пороков вообще. Сюжеты их басен восходят как к армянскому фольклору, так и к всевозможным письменным источникам.

С нашествия монголов, совершенно разоривших страну, начинается новый период в истории армянской литературы, продолжавшийся до XVI в. Это был период, мало благоприятный для развития литературы и искусства: бесконечные нападения чужеземных полчищ, страшный гнет завоевателей - все это привело к упадку экономики и культуры Армении. Но все же развитие литературы не прекращается и в этот нелегкий период армян-

ской истории. От монголов уцелело армянское Киликийское царство, просуществовавшее до 1375 г. Именно туда на некоторое время переносится центр армянской литературной жизни.

Самые значительные и яркие достижения армянской средневековой литературы связаны с развитием лирики, в которой продолжает жить дух гуманизма и значительно углубляется изображение человеческой личности, ее чувств и настроений. Прекрасный знаток и большой поклонник армянской литературы В.Я. Брюсов писал: "Средневековая армянская лирика есть одна из замечательнейших побед человеческого духа, какие только знает летопись всего мира. Поэзия совершенно своеобразная, новая для нас по своим формам, глубокая по содержанию, блистательная по мастерству техники".^I Армянская средневековая лирика в целом вполне самостоятельна и национальна самобытна, хотя она и усвоила опыт арабской и классической фарсиязычной (таджико-персидской) поэзии. Эта лирика является свидетельством того, что дух армянского народа не был сломлен жестокими испытаниями, выпавшими на его долю.

В средневековой армянской лирике можно выделить две линии, взаимно дополняющие друг друга: одна — социально-критическая (Фрик, Мкртич Нагаш), другая — любовно-гедонистская (Костандин Ерзынкаци, Ованес Тлкуранци, Григорис Ахтамарци). Эти две ветви позже в значительной мере слились воедино.

Большинство лирических произведений написано уже не на грабаре, а на среднеармянском литературном языке, более близком к разговорному. На грабаре же продолжают создаваться исторические труды и богословская литература.

Социально-критическую линию в средневековой армянской поэзии открывает поэт Фрик (вторая половина XIII — начало XIV в.). Он принадлежал к низам общества, на себе испытал все ужасы монгольского ига: не имея средств заплатить подати, Фрик вынужден был отдать в залог своего сына, которого он так и не смог позже выкупить. В своих стихах Фрик сурово осуждает господствующее в обществе социальное неравенство, гнет чужеземцев и прямо обвиняет бога в бедствиях народа, в

^I Поэзия Армении. Ереван, 1966, стр. 11.

дурном устройстве мира, в том, что Всевышний несправедлив к отдельным людям и нациям. В стихотворении "Колесо судьбы" Фрик осуждает судьбу, за которой стоит бог, как "неправедно-го судию":

Ах, колесо! Злодея ты лелеешь в доме золотом,
А честный должен подбирать обеды за чужим столом.
Ты в рыцарей выводешь тех, кому б сидеть в хлеву свином.
Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом.
Скажи: "Ты не права, судьба!" — и смех услышишь без
конца.

За что ученых гонишь ты, а любишь злого иль глупца?

(Перевод В. Брюсова)

В стихотворении "Жалоба" поэт прямо протестует против воли Всевышнего и социальной несправедливости, против печальной доли армян, которым под игом монголов стало совсем трудно. Если Нарекаци говорил с богом с покорностью, с мольбой, коленопреклоненно, то Фрик — не без вызова, стоя. Нарекаци стремился к тому, чтобы добиться совершенства, слиться с богом; Фрик же думает не о спасении своей души, а о спасении народа, людей. Правда, в конце обеих стихотворений Фрик, как будто, смиряется перед волей бога, против которой бессильны и судьба, и отдельная личность, и целые народы, но в его внешней покорности все равно чувствуется скрытый бунт.

Основоположником линии любовной лирики был поэт Костандин Ерзынкаци (ок. 1250 — ок. 1340). Он был священнослужителем, и в его поэтическом сознании шла мучительная борьба двух начал — духовного и светского, "небесного" и "земного": "Две воли властвует во мне, я — раб у двух господ", — писал К. Ерзынкаци в стихотворении "Борьба плоти и духа". Поэт даже подвергался преследованиям за свое пристрастие к земному началу, но в конечном итоге в его творчестве побеждает именно оно: К. Ерзынкаци в своих стихах пламенно воспеваает любовь к земной женщине, наслаждения жизнью, красоту природы. Очень частый мотив поэзии К. Ерзынкаци — прославление весны, пробуждения и обновления природы (стихотворение "Весна"). Причем весна это не только природное явление, но и психологическое состояние человека. Весна — это радость, она неразлучна с любовью, а любовь — основа жизни, самое ценное в ней. В.Я. Брюсов писал о стихотворении "Весна", что оно "исполнено духом почти языческим, дышит необузданным веселием бытия. Ас-

кетический идеал средневековья, взгляд на эту земную жизнь как на идол скорби, уверенность, что радости жизни - скверна и грех, остались где-то далеко позади".¹

Линию любовной лирики К. Ерэзнкаци продолжил Ованес Тлкуранци, который жил и творил в Киликийской Армении во второй половине XIV - начале XV в. Он также был монахом, но в своих стихах прославлял страстную любовь и красоту природы. Его стихи - это чаще всего гимн всепобеждающей силе чувственной любви к женщине, от которой не спасают ни стены монастыря, ни страх перед адом. Любовь сильнее веры: влюбленные забывают молитвы, наставления и в момент поцелуя даже самого бога - "сильнее креста твоя благодать". Тот же В.Я. Брюсов писал о стихотворении О. Тлкуранци "Песня любви", что оно опередило свое время на два-три столетия и в нем больше подлинной страсти, чем в сонетах Петрарки и стихах Ронсара. В то же время в лирике О. Тлкуранци звучат и мотивы непрочности мира, быстротечности жизни, смерти и страха перед ней.

К этой же линии любовно-гедонистской лирики примыкал и Григорис Ахтамарци (первая половина XVI в.), в стихах которого мы видим то же языческое опьянение любовью и наслаждение красотой жизни. Уже знакомая нам триада "природа - любовь - человек" составляет основное содержание его лирики. В творчестве Г. Ахтамарци чувствуется влияние классической таджико-персидской поэзии. Он тоньше и глубже, чем предшественники изображает внутренний мир, переживания влюбленных (поэма "Песнь о Розе и Соловье"). Среди произведений Г. Ахтамарци выделяется "Песня об одном епископе" (поэт был католиком Ахтамара). Это песнь о красоте земной жизни, воплощенной в образе сада, который взрастил поэт, и о смерти, которая требует поэта к себе и разрушает его прекрасный сад.

Линию социально-критической лирики Фрика продолжает Мкртич Нагаш (= Художник; ок. 1390 - ок. 1475). Для поэзии Мкртича Нагаша характерны пессимистические размышления о бренности жизни, о том, что все в мире - суета сует. Но

¹ Поэзия Армении, стр. 54-55.

вместе с тем поэт обличает и пороки социальных порядков — характерную для сильных мира сего жадность (стихотворение "О жадности"), пренебрежительное отношение богатых к бедным. Нагаш был и одним из первых в армянской поэзии, кто отразил в своих стихах трагическую долю изгнанных-скитальцев (пандуктов, или харибов). Песни о горестной судьбе харибов широко распространены в армянском фольклоре (знаменитая народная песня "Крунк" — "Журавль").

С XVI в. начинается, быть может, наиболее трагический период истории Армении. После длительных и чрезвычайно разорительных ирано-турецких войн Армения была разделена между Персией и Турцией. Все это сопровождалось массовым уничтожением армян, их насильственной ассимиляцией. В начале XVII в. жестокий иранский шах Аббас переселил большое число армян в Персию. В результате обезлюдели целые области. Это привело к упадку культуры на территории Армении. Спасаясь от физической гибели, тысячи армян покидают родину и эмигрируют в другие страны. Армянские колонии возникают на огромном пространстве от южной Америки до Явы, от Эфиопии до Нидерландов. Армяне и за границей сохраняют свой язык, свои обычаи, пытаются развивать дальше свою национальную культуру.

На некоторое время центры армянской культуры переносятся за пределы Армении. Первая армянская печатная книга вышла в 1512 г. в Венеции, первый армянский журнал в 1794 г. в Индии, в Мадрасе. Большую культурную деятельность развернула католическая армянская конгрегация мхитаристов, основанная в начале XVIII в. в Венеции. Мхитаристы издавали армянские книги, учебники, собирали старинные рукописи, изучали древнюю армянскую литературу, язык, историю, способствовали развитию арменоведения. В Западной Европе создаются на грабаре литературные произведения в стиле классицизма.

Все же и на территории Армении литературная жизнь не замирает. Некоторое оживление особенно заметно в конце XVII — в XVIII в. Предпринимаются попытки продолжать традиции "классической" древней и средневековой словесности, приспособить их к национально-освободительным идеям современности. Как и ранее создаются историографические труды, а также историко-патриотические плачи и путешествия. В поэзии продолжает раз-

живаться любовная лирика (Овнатан Нагаш); появляются патристические и сатирические стихотворения.

Но все-таки наиболее существенной новой чертой в развитии армянской поэзии было резко усилившееся в XVI-XVIII вв. влияние фольклора и творчества ашугов, тесно связанных с жизнью народа. Появляется ашугская поэзия, отвечающая вкусам простых людей. Ашугами (буквально: влюбленные) у армян и азербайджанцев называют народных певцов-музыкантов, которые сами творят и сами исполняют свои песни. Их искусство синкретично: ашуги сочиняют текст песен, подбирают или же сочиняют для них мелодию и поют их, сопровождая себя на струнном музыкальном инструменте - сазе, таре или кяманче, иногда при этом приплясывая и вообще театрализуя свое выступление. В ашугской поэзии вырабатываются свои поэтические формы, чаще всего заимствованные из турецкой и фарсиязычной поэзии.

Первым крупным поэтом, явившимся провозвестником этих изменений, был Наапет Кучак, живший в XVI в. Наапет Кучак, во многом, фигура загадочная. Существует мнение, что в XVI в. вообще не было такого поэта или что ему были лишь приписаны стихи безымянных народных певцов. Впрочем, большинство исследователей все же верит в реальность Наапета Кучака, который жил и умер в селе Хараконис близ Вана.

Наапет Кучак выступал в жанре поэтических четверостиший - айренов. Каждая строка айрена состоит из 15 слогов, которая делится цезурой на два полустихия - из 7 и 8 слогов; четыре строки айрена объединяет монорим. Графически айрены иногда печатаются и в виде восьмистиший.

Все айрены Наапета Кучака условно можно разделить на 3 группы. Первая - наиболее многочисленная - это айрены любви. Поэт в своем взгляде на любовь не скован никакими религиозными предрассудками. Возлюбленная - единственный кумир, перед которым поэт склоняет голову. Свою любовь Наапет Кучак высказывает открыто, обычно говорят о некой обнаженности чувства в его айренах. Правда, любовь, которую воспевают поэт, - это любовь чувственная. Но при всем том Наапет Кучак видит силу любви - она сравнима в этом мире лишь со смертью - и видит ее скрытый драматизм. Через любовь поэт утверждает право человека на счастье, в любви он видит свободу, которой

нет в жизни: никто не в праве запретить ему любить, в любви нет социальных преград. Очень важно, что Наапет Кучак признает свободу и самостоятельность женщины, она — такой же человек, как и мужчина, со своими чувствами и желаниями. В отличие от О. Тлкуранци и Г. Ахтамарци любовная лирика Наапета Кучака отличается простотой и безыскусственностью.

Вторая группа — философские айрены. Это раздумья поэта о мире, о его дурном устройстве, порою — о царящей в нем социальной несправедливости, господстве неправды и насилия. Впрочем, мыслей о протесте у Наапета Кучака нет. Третий цикл айренов Наапета Кучака — это "айрены скитаний" — о горестной судьбе скитальцев-пандухтов. В этих стихах — боль, плач, крик души тысяч изгнанников.

Самым крупным поэтом рассматриваемого периода был Саят-Нова (1722—1795), который как бы объединил достижения ашугской поэзии с лучшими традициями классической поэзии народов Закавказья и тем самым проложил путь к новой литературе. Саят-Нова создавал свои произведения на трех языках — армянском, азербайджанском и грузинском, причем эстетическая ценность всех трех групп его стихотворений одинакова. Поэзия Саят-Новы является общим достоянием всех народов Закавказья, она является живым воплощением дружбы этих трех народов.

Настоящее имя Саят-Новы — Арутюн Саядян. Он был родом из многонационального Тбилиси, сыном купца. В молодости Саят-Нова работал ткачом, много странствовал. Весьма рано он прославился как ашуг, был приглашен ко двору грузинского царя Ираклия II. Однако там он подвергся преследованиям (по некоторым сведениям, их причиной была любовь поэта к одной знатной даме), был изгнан от двора, стал монахом и позже настоятелем Ахпатского монастыря. Саят-Нова был убит при разгроме Тбилиси персидскими полчищами Ага-Махмуд-хана.

Саят-Нова был горожанином, и ему свойственен взгляд на мир, характерный именно для этой прослойки закавказского населения. Он глубоко и болезненно воспринимает социальные противоречия современного общества, которое предстает перед его взором как бы раздвоенным. Поэт убежден, что такое устройство мира несправедливо и жаждет правды, справедливости ("Наш мир — раскрытое окно..."). Рядом со справедливостью

для него стоит любовь, на которой держится мир.

Большая часть стихотворений Саят-Новы — это любовная лирика. Но любовь выступает в его стихах в сложном сплетении с другими мотивами, среди которых есть и мотив осуждения современных порядков, социального зла, мотив плебейской гордости поэта, который демонстративно противопоставляет себя дворянам, феодалам, — всем тем, в чьих руках власть.

Любовь в стихах Саят-Новы чаще всего неудачная, безответная. Трагедия любви превращается в его поэзии в трагедию одиночества и бесправия человека. "Содержание стихов Саят-Новы на первый взгляд однообразно... — писал В.Я. Брюсов. — Но какое неисчерпаемое разнообразие сумел вложить поэт в эту кажущуюся однотонность! Он почти везде говорит о любви, но как разноцветны оттенки ее в различных стихотворениях, все эти переходы от тихой нежности к пламенной страсти, от отчаяния к восторгу. Поистине Саят-Нову можно назвать "поэтом оттенков"... Он умел и с к а т ь р а з н о о б р а з и я в о д н о о б р а з и я".¹ В.Я. Брюсов сравнивает Саят-Нову в этом отношении с Верленом.

Для такого разностороннего воспевания любви Саят-Нова создал и особую форму. Он писал на живом тбилисском диалекте армянского языка. Саят-Нова огромное внимание обращал на звуковую сторону стиха: он — изумительный мастер эвфонии, в его стихах обычны внутренние рифмы, редиф (рефрен — продолжение рифмы). Наиболее распространенная форма его стихотворений (ее иногда называют "сонетом Саят-Новы"): пять четверостиший, каждая строка состоит из 16 слогов, схема рифмовки — аааа bbba ссса и т.д.

¹ Поэзия Армении, стр. 66-67.

ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Истоки грузинской литературы, также как и армянской, уходят в далекое прошлое. Еще до появления письменности у предков грузин существовали богатейший фольклор и мифология. Широко были известны предания о богатыре Амирани, принесшем людям огонь с неба и за это наказанном богами: его приковали к скале в горах Кавказа, и орел клвет ему печень. Древнегреческие мифы о Прометее типологически очень близки к древнегрузинским преданиям об Амирани.

В IV веке в Грузии утвердилось христианство в его православном изводе, что имело большое положительное значение для развития грузинской культуры. Возникла потребность в литературе, которая бы утверждала и защищала новую религию. С V века и известны памятники письменности на грузинском языке.

В истории древнегрузинской литературы (V-XIII вв.) обычно выделяют три периода: раннего феодализма (с V до середины XI в.), зрелого феодализма (с середины XI до второй четверти XIII в.) и позднего феодализма (со второй четверти XIII до конца XIII в.).

В период раннего феодализма грузинская литература носила исключительно религиозный характер и была тесно связана с церковью. Это объясняется тремя причинами: во-первых, церковь была объединяющим всех грузин началом в условиях феодальной раздробленности; во-вторых, христианство было главной идеологической силой феодального общества в Грузии и, в-третьих, церковь была основным рассадником просвещения. При церквях и монастырях существовали школы и позже даже академии (в Гелати и Икалто). Именно представители духовенства были основными авторами, переписчиками и редакторами литературных произведений.

Сначала в грузинской литературе появились религиозные книги, переведенные с греческого и сирийского. Но очень скоро, уже в V в., создаются и оригинальные литературные произведения. Среди них особенно ценны образцы агиографии в двух ее разновидностях - мартирологи и собственно жития святых. Древнейшим памятником грузинской литературы считается "М у-

ченичество святой царицы Шушаники" Якова Цуртавели, созданное между 475 и 484 г. В нем повествуется о судьбе жены правителя Картли Варскена Шушаники. Варскен из корыстных политических соображений принимает веру врагов — персов-огнепоклонников и пытается принудить к вероотступничеству и свою супругу. Однако Шушаника наотрез отказывается. Варскен подвергает ее страшным истязаниям, но не достигает своей цели: Шушаника принимает мученическую смерть, сохранив верность своей религии. В условиях тех дней защита христианства совпадала с идеей верности грузинским национальным устоям, с защитой родины. "Мученичество Шушаники" важно и обилием всевозможных сведений о тогдашней грузинской жизни.

Вслед за тем появляются и другие примечательные памятники грузинской агиографии, среди которых выделяется "Житие Григория Хандзтели" (951) Георгия Мерчули. Как и древнейший вариант "Жития Нины Каппадокийской" (VIII-IX вв.) — "первосвятительницы" Грузии, по преданию принесшей грузинам христианство, оно представляет и большой исторический интерес.

К концу первого периода относится и развитие духовной поэзии — гимнографии. Это чаще всего гимны в честь святых, но известна также "Похвала и славословие грузинскому языку". Отсюда ведет свое начало грузинское стихотворство.

В XI-XII вв. происходит объединение Грузии в единое централизованное государство. При Давиде Строителе (1089-1125) и царице Тамар (1184-1213) Грузия становится одной из могущественных держав Востока. Быстро развивается экономика страны, торговля, растут города и в них всевозможные ремесла. Все это явилось благодатной почвой для бурного расцвета грузинской культуры и науки. Наступает золотой век и грузинской литературы, как иногда называют эту эпоху. В литературе появляется много принципиально новых черт. Изменяется и духовная словесность. В ней все большую роль начинают играть философские труды, предпринимаются попытки философски обосновать основные догматы христианства. Для этого грузинские авторы обращаются к античной и позднеантичной греческой философии. Возникает интересная школа грузинских неоплатоников (Иоанн Петрици), оказавшая большое влияние на литературу. В области

агиографии и переводов велики заслуги афонской литературной школы.¹

Но все же самым важным в литературе было усиление светского начала и утверждение новых воззрений на мир и человека. Церковная словесность теряет свое первенствующее положение. Возникают первые грузинские повести, одическая поэзия, поэмы, развивается историография.

Образцом грузинской рыцарской героической повести может служить "Амиран-Дареджаниани" Мосе Хонели (XII в.). Она состоит из 12 сказочно-фантастических рассказов, в которых повествуется о подвигах безупречного рыцаря благородного Амиран-Дареджанидзе. Цель автора - дать идеальный образ феодала, в котором есть и черты народных богатырей.

Первым же образцом любовно-романтического повествования считается роман Саргиса Тмогвели "Висрамиани" (XII в.). Это грузинская переработка фарсиязычной поэмы Гургани "Вис и Рамин". В ней описывается любовь (сугубо плотская) главных героев, и хотя автор стремится создать идеальные образы влюбленных, за ними вырисовываются черты реальных бездельников-феодалов той поры.

В XII - начале XIII в. широкое распространение получает и одическая поэзия, в которой восхваляется монарх. Но за панегириками в честь грузинского царя или царицы стоит безусловно прогрессивное для того времени утверждение единой сильной самодержавной власти, абсолютизма, противостоящих феодальной раздробленности. Из образцов одической поэзии наиболее известные принадлежат поэтам XII в. Шавтели и Чахрухадзе. Панегирическая поэма Иоанэ Шавтели "Абдул-Мессия" (= Раб Христа, так именуется восхваляемое лицо), по видимому, посвящена двум монархам - Давиду Строителю и царице Тамар. Впрочем, вопрос о том, кому именно посвящена поэма, до сих пор остается спорным. Сборник од (их всего 22) Чахрухадзе "Тамариани" - это обширный напегирик царице Тамар, которую автор объявляет носительницей божественного начала, наделяет мессианистической функцией спасения христианст-

¹ На Афоне в Греции находился грузинский монастырь, деятели которого сыграли важную роль в истории грузинской духовной литературы и философии.

ва и всего человечества. Поэт сравнивает Тамар с никогда не заходящим солнечным сиянием, она прекрасна как журчащий поток, звучащая лира или цветущий сад. Стихи Чахрухадзе отличаются чрезвычайно усложненной и виртуозной образностью, возвышенным стилем. Оды Чахрухадзе и Шавтели написаны 20-сложным размером (чахрухаули) с богатой внутренней и внешней рифмой.

Вершиной "золотого века" грузинской литературы является поэма Шота Руставели "В и т я з ь в т и г р о в о й ш к у р е" ("Вепхис-ткаосани"), которая имеет мировое значение.

О биографии ее автора, гениального поэта Шота Руставели известно очень мало. Из текста поэмы явствует, что автор ее жил и творил в эпоху царствования Тамар, т.е. в конце XII — начале XIII в. Судя по прозвищу, он был родом из Рустави или владельцем Рустави. Однако в Грузии есть две местности под этим названием — южное Рустави в области Месхетия и восточное Рустави. Большинство исследователей считает, что Шота Руставели был месхом (об этом он и сам однажды упоминает в поэме). Из текста поэмы также можно сделать вывод, что ее автор был высокообразованным человеком. Особенно близко ему было учение неоплатоников, которое как бы синтезировало все философские системы античности.¹ Но неизвестно, где он мог получить столь прекрасное образование.

Множество сведений о жизни великого поэта дает грузинский фольклор, где имеются многочисленные легенды о Шота Руставели. Однако данные этих преданий с трудом поддаются проверке, в них невозможно отделить правду от вымысла. Фольклорные легенды упорно связывают поэта с царицей Тамар: он был, будто бы, то ли казначеем, то ли личным секретарем, то ли министром при ее дворе и к тому же был влюблен в царицу. Существуют данные и о том, что Руставели был как-то связан с грузинским монастырем Святого Креста в Иерусалеме (по некоторым сведениям, он в старости стал монахом этого

¹ Влияние неоплатонизма сказалось не только в идейном содержании поэмы, но, как теперь доказано, и в структуре ее стиха, см. об этом: Г. В. Церетели. Метр и ритм в поэме Руставели и вопросы сравнительной версификации. — В сб.: Контекст. 1973. М., 1974, стр. 125-127.

монастыря и, будто бы, умер в нем). Экспедиция грузинских ученых в 1960 г. обнаружила на стенах монастыря под слоем штукатурки портрет поэта в одеянии знатного вельможи. Еще до этого в древней поминальной книге монастыря нашлась запись о некоем мечурчлет-ухуцеси (министре или казначее) Шота. Все это делает вероятным предположение о том, что Шота Руставели, действительно, мог занимать важный государственный пост при грузинском дворе. П. Ингорква высказал предположение, что поэт происходил из царского рода эретских Багратиони, в первой половине XIII в. под именем Шота Багратиони стоял во главе всей политической жизни Грузии и умер около 1250 г. Однако все это лишь предположения. Биография Руставели до сих пор остается загадкой.

Мы также не знаем, были ли у Руставели еще и другие произведения - по крайней мере, они до нас не дошли. Поэма "Витязь в тигровой шкуре" написана не ранее 1180-х гг. и не позже 1207 г. Заметим, что и текстология поэмы - сложнейшая и до сих пор неразрешенная проблема. Поэма впервые была напечатана лишь в начале XVIII в., самые старые дошедшие до нас ее списки относятся к XVII в. В текст поэмы было внесено много интерполяций - дополнений, продолжений, "исправлений", которые сейчас уже нелегко отделить от подлинного авторского текста.

Действие поэмы разворачивается в странах Востока - в Индии, Аравии и др. Но общественно-политический строй этих стран явно напоминает систему феодальных отношений Грузии XII-XIII вв., и общественно-политические проблемы, которые ставит в своем произведении автор, навеяны грузинской обстановкой, связаны с грузинской политической ситуацией тех лет. Во главе Аравии и Индии стоят самодержавные государи, обладающие всей полнотой власти. Все подданные, в том числе и феодалы, беспрекословно подчиняются им. Верность царю ставится превыше всего, измена ему приравнивается к измене родины и должна сурово караться. Шота Руставели выступает горячим сторонником единой сильной самодержавной власти в противовес феодальной раздробленности, своеволию отдельных властителей. В то же время он выступает как горячий патриот, который решительно против того, чтобы во главе госу-

дарства стоял чужеземец (история с убийством Таризлом хварзмийского царевича). Поэт требует от царей справедливости. Хотя автору ближе всего идеальные рыцари-феодалы, каковых он и выводит в образах своих главных героев - Таризла, Автандила и Фридона, и к купечеству он относится иронически (образы купца Усена и его жены Фатымы), тем не менее, Руставели первым в грузинской литературе стал изображать представителей купечества, тем самым указав на их возросшую роль в жизни.

Но поэма Шота Руставели не только отражает конкретную общественно-политическую обстановку Грузии XII-XIII вв. В ней мы находим и более широкий круг идей, характерный не только для Грузии этого периода. Вся поэма исполнена "жизнерадостного свободомыслия", которое Ф. Энгельс считал характернейшей чертой европейского Возрождения, исполнена светлого, далекого от аскетизма и христианской морали мироощущения. Поэма раскрывает процесс освобождения человеческой личности от уз христианских догм. Религиозные мотивы в "Витязе в тигровой шкуре" почти отсутствуют. Основным объектом внимания и даже своеобразного поклонения является не бог, а реальный земной человек, его разум и чувства. Человек для Руставели - это самостоятельное существо, склонное к добру, существо в своей основе разумное, нравственное, благородное. Это противоречит господствующей в эпоху средневековья религиозной концепции греховности человека и его чувства. Руставели выступает сторонником равенства мужчины и женщины. Очень характерен для Руставели и культ солнца, который, вероятнее всего, связан не с язычеством, а со своеобразным открытием природы, восхищением силами природы. Весь этот комплекс идей весьма близок к ренессансному.

С ним связаны и ведущие идейные мотивы поэмы Шота Руставели - это культ дружбы, побратимства, любовь и поклонение женщине. Дружба и любовь, с точки зрения автора, - естественные и вместе с тем высшие проявления человеческого начала, человеческой природы. К дружбе должны стремиться все люди: "Кто не ищет дружбы с близким, тот себе заклятый враг". Ради дружбы надо жертвовать всем, ибо дружба это то, что связывает и сплавливает людей, направляет их на путь

добра. Образцом такого идеального поборатимства в поэме является дружба главных героев - Таризла, Автандила и Фридона. Руставели допускает и дружбу между мужчиной и женщиной (дружба Таризла и Асмат) - случай довольно редкий в мировой литературе. Дружба между людьми разных национальностей (Таризл - индеец, Автандил - араб, Фридон - мулгасанзариец) перерастает у Руставели в своеобразное утверждение принципа дружбы народов.

Не менее важное место в поэме занимает любовь (она играет огромную роль и в сюжете произведения). Во вступлении Руставели развивает свою концепцию любви. Он различает 3 вида любви: высшую божественную, низшую плотскую и подлинно человеческую. В центре его внимания - земная истинная любовь. Эта последняя далека от физической чувственности, она основана прежде всего на духовной близости влюбленных, требует верности, постоянства, воодушевляет человека на подвиги, поднимает его внутренние силы. Такова любовь благородных и интеллектуально развитых главных героев поэмы. В описании любви Руставели подчеркивает свободу чувства.

Именно в любви наиболее полно раскрывается характер, индивидуальность человека. Руставели еще не знает принципа социальной типизации, но он знает различные психологические типы людей. Так, Автандил - натура сильная, но внутренне уравновешанная, с преобладанием рациональных элементов над эмоциональными, и любовь его окрашена в спокойные, ясные тона. Таризл же - типичный миджнур (от Меджнуна - одержимого любовью, безумного от любви), у которого эмоции господствуют над разумными рациональными началами и любовь которого необыкновенно напряженная, страстная, действительно, граничащая с безумием. Примером вульгарной плотской любви, где все сведено к телесным удовольствиям, является купчиха Фатма, в чем еще раз проявляется отношение автора к купечеству.

В поэме чувствуется культ женщины, вообще характерный для средневековой Грузии: не случайно она считалась уделом богородицы, ее первосвященницей была святая Нина и наибольшего расцвета она достигла при царице Тамар. Героини поэмы Нестан-Дареджан и Тинатин морально и интеллектуально ни в чем не уступают мужчинам. Это самостоятельные личности

со своими тонкими чувствами и высокими устремлениями, для них характерно величие духа (письмо Нестан-Дареджан из Каджетской крепости).

Весь этот комплекс идей Руставели, повторяем, близок к ренессансному гуманизму. Однако концепция ренессансного характера творчества Руставели имеет и своих противников, которые считают, что типологически "Витязь в тигровой шкуре" с его культом дамы и рыцарства ближе к рыцарским романам, к поэзии провансальских трубадуров - вообще к рыцарской культуре развитого феодализма, а не к Возрождению (В.М. Жирмунский).

По своему жанру "Витязь в тигровой шкуре" Шота Руставели - монументальная эпическая поэма. Но эпика в ней сочетается с нежным лиризмом, в ней есть и философские элементы, чаще всего в форме афоризмов, многие из которых стали общеизвестными поговорками. Поэма Руставели считается одним из самых богатых афоризмами произведений мировой классики.

"Витязь в тигровой шкуре" написан в форме шаири: каждая строка состоит из 16 слогов, четыре строки образуют строфу с моноримом. Разнообразие поэме придает сочетание двух типов шаири - высокого (4+4+4+4 слога) и низкого (5+3+5+3), причем в первом двухсложная, а во втором трехсложная рифма. К тому же стих Руставели отличается исключительной музыкальностью: он наполнен звуковыми повторами - анафорами, эпифорами, аллитерациями. Поэма написана языком, близким к тогдашнему разговорному, и ныне понятна грузинским читателям, хотя сейчас ее язык и кажется архаичным.

Нельзя не отметить народности поэмы Руставели - ее идеи и образы оказались близкими мироощущению народа, что и обусловило ее необычайную популярность в народной среде. Об этом свидетельствует бытование фольклорного варианта поэмы "Витязь в тигровой шкуре" - "Таризлиани".

Значение Руставели в истории грузинской литературы велико. Вокруг его творчества в течение ряда столетий шла сложная идеологическая борьба. Оно стало знаменем борьбы за прогрессивную национально-патриотическую литературу.

Последствия монгольского нашествия для Грузии, как и для Армении, были крайне тяжелыми. Страна была совершенно

разорена, потеряла независимость. В Грузии вновь усилилась феодальная раздробленность. С XV в. начинается борьба Персии и Турции за Грузию, при этом и персы и турки проводили одну и ту же политику насильственной ассимиляции грузин, обращения их в ислам. Система феодальной зависимости крестьян от помещиков (патронатство) постепенно превращается в крепостное рабство. Грузия оказалась отрезанной от христианского Запада. Все это привело к упадку культуры. В XIII - XV вв. было создано очень мало новых интересных литературных памятников, более того - зачастую забывались и старые.

Хотя общественно-политическая обстановка в Грузии и в XVI-XVII вв. оставалась тяжелой, продолжалось иноземное, персидское и турецкое, иго, тем не менее с XVI в. начинается известное возрождение культуры. Развитие культуры идет в борьбе двух направлений. Одно - национально-патриотическое - ставит своей целью сделать культуру средством утверждения национально-освободительных идей, оно ориентируется на творчество Шота Руставели, а позже и на родной фольклор. Второе направление ориентируется на иранские литературные образцы, стремится перенести на грузинскую почву опыт, достижения богатейшей фарсизычной литературы. В персидском направлении преимущественное внимание обращалось на форму литературных произведений, для него характерна формалистическая изощренность стиха.

Виднейшим представителем этого второго направления был поэт царь Теймураз I (1589-1663). Как государственный деятель Теймураз I боролся с персами и с этой целью пытался установить связи с Россией. За это он подвергся жестоким преследованиям: персы замучили его мать, сестру, дочь и двух сыновей и сам Теймураз умер в ссылке в Астрабаде. Однако в своем творчестве он испытал сильное персидское влияние и пытался пересадить на грузинскую почву образцы иранской поэзии: он - автор грузинских переработок персидских поэм "Соловей и роза" ("Вардбулбулиани"), "Лейли и Меджнун" ("Лейлмеджнунниани"), "Свеча и мотылек" и др. Из них наиболее известна "Соловей и роза" - лирическое повествование о несчастной любви соловья к розе. В духе персидской любовной лирики Теймураз в ряде стихов воспекает женскую красоту,

горячую чувственную любовь. Для поэзии Теймураза I характерна искусственность и изощренная замысловатость образов, словесная игра. Его поэма "Маджама" сплошь написана рифмами-омонимами. У Теймураза I есть и лирические стихотворения, в которых отразилась его трагическая биография: в них много искренней скорби, отчаяния, жалоб на судьбу, поэт осуждает этот вероломный и грязный мир.

Ярым противником персидского влияния и одним из основоположников национально-патриотического направления в грузинской литературе был поэт царь Арчил II (1647-1713), также боровшийся с иранцами и вынужденный в 1699 г. эмигрировать в Россию, где он основал в селе Всехсвятском под Москвой первую грузинскую колонию и организовал грузинскую типографию. Он высоко ценил творчество Руставели, хотя и не все в нем было для него одинаково приемлемым. Арчил первым в грузинской литературе выступил с теорией наивного реализма. Он ратовал за правдивость литературы (правда, понимал ее еще примитивно - как отражение подлинных исторических событий и лиц), за национальную тематику и за чистоту литературного языка. С этих позиций Арчил и выступал против Теймураза и его поэтических принципов. Свои литературные взгляды Арчил выразил в поэме "С п о р Т е й м у р а з а и Р у с т а в е л и", где каждый из героев не только излагает свою точку зрения на искусство, но и рассказывает о своей эпохе. В этой поэме сказался патриотизм Арчила.

Одним из наиболее выдающихся писателей рассматриваемого периода был Сулхан-Саба Орбелиани (1658-1725). Выходец из знатного аристократического рода, он был высокообразованным человеком, воспитателем наследника грузинского престола. Разочаровавшись в политической деятельности, Орбелиани ушел в монастырь, стал монахом. Но когда его воспитанник Вахтанг VI (кстати, также высокопросвещенный человек, меценат, поэт, ученый, переводчик, создатель типографии в Грузии, первый издатель "Витязя в тигровой шкуре" Руставели) вступил на престол, Орбелиани вернулся к активной политической деятельности, отправился с дипломатической миссией в Западную Европу искать помощи для Грузии и закончил свою жизнь в Москве.

Главное произведение С.-С. Орбелиани - книга "О м у д-

рости в мыслях" ("Мудрость лжи"). Это рамочное повествование построено как спор о воспитании царевича Дамбура, в котором участвуют царь, воспитатель наследника престола Леон, визирь, евнух. В дискуссии затрагиваются не только вопросы воспитания, но и широкий круг проблем, связанный вообще с управлением государством. Причем каждый участник спора в подтверждении своей точки зрения приводит басни и рассказы, которые и составляют основное содержание книги и в которых обычно действуют животные, но за ними скрывается аллегорическое изображение человеческих отношений, общественных проблем. Автор устами своих героев ратует за суровое спартанское воспитание, осуждает изнеженность и баловство. Он выступает сторонником просвещенного абсолютизма, обличает пороки феодального общества, несправедливых правителей, коварных царедворцев, взяточников-судей, лицемерие духовенства. Его симпатии явно на стороне простых людей. С.-С. Орбелиани - сторонник сильной царской власти и противник феодальных распри. Автор верит в победу добра над злом в мире и, как оптимист, выступает против человеконенавистнических и пессимистических рассуждений евнуха.

Виднейшим представителем национально-патриотического направления в поэзии был Давид Гурамишвили (1705-1792). Детство его совпало с очень тяжелым периодом в истории Грузии, когда она подвергалась непрерывным нападениям врагов. Юноша, скрывавшийся с семьей в горах, был схвачен шайкой лезгин, но бежал из плена и с большими трудностями пробрался к русским, на Северный Кавказ. Он отправился в Москву ко двору грузинского царя-эмигранта Вахтанга VI, после его смерти поступил на русскую военную службу, многие годы в составе русской армии воевал с пруссаками, турками, шведами и лишь уже в преклонном возрасте получил отставку и смог поселиться в своем маленьком имении Зубовка близ Миргорода на Украине, где и прошли последние годы его жизни. Там же П. Гурамишвили написал все дошедшие до нас произведения, составившие рукописный сборник "Д а в и т и а н и" (=Давидово). Во вступлении к сборнику он выступает с обоснованием правдиво отображающего реальную жизнь и мудрого искусства.

В сборник входит поэма Д. Гурамишвили "Б е д с т в и я

Г р у з и и". Это одновременно и историческая поэма о трагической судьбе Грузии начала XVIII в. — о нашествиях врагов, набегах горцев, междоусобных раздорах, — и автобиографическая поэма о горестной судьбе самого поэта, о его злоключениях в молодости. Автор выступает не как эпический бытописатель прошлого, а как страстный патриот, негодующий, прямо обвиняющий феодалов и царя в гибели отчизны. События истории Д. Гурамишвили оценивает с народной точки зрения. В целом его взгляд на судьбу родины исполнен пессимизма, глубокой скорби ("Жалоба Давида Гурамишвили на суетный и мгновенный мир"): он видит религиозно-моральное разложение соотечественников (в первую очередь феодалов), и ему кажется, что это знак гибели Грузии.

Правда, в другой поэме, включенной в сборник, — "В е с е л а я в е с н а" ("П а с т у х К а ц в и я") — Д. Гурамишвили настроен более оптимистически. В этой пасторально-идиллической поэме описывается жизнь пастухов и пастушек на фоне украинской природы, причем здесь поэт видит и высокие моральные принципы, и чистоту нравов, и настоящую любовь. Моральное разложение еще не коснулось простого народа, и это залог возможного возрождения родины. Поэма интересна новизной тематики, своим наивным реализмом.

В сборник "Давитиани" включен и ряд лирических стихотворений Д. Гурамишвили. Многие из них построены на материале фольклора, причем как грузинского, так и русского и украинского. Д. Гурамишвили был одним из великолепнейших мастеров стиха в грузинской литературе. Его стих отличается исключительной музыкальностью, простотой и легкостью.

Д. Гурамишвили окончательно освободил грузинскую поэзию от восточной экзотики и искусственности. Он сделал большой шаг вперед в сторону реализма и демократизации грузинской поэзии. Всем этим Д. Гурамишвили подготавливает новую грузинскую литературу.

В этом же направлении действовал и уже знакомый нам Саят-Нова, как выше отмечено, писавший стихи и на грузинском языке.

Заслуживает быть отмеченным также творчество Бесики (псевдоним Виссариона Габашвили, 1750—1791), человека труд-

ной судьбы, который в основном выступал как лирик, певец любви и женской красоты. Впрочем, у него есть и патриотические произведения (ода "Аспиндза"), и лирические стихотворения, в которых поэт жалуется на непостоянство мира и судьбы; есть у него и сатирические стихи. Как и Д. Гурамишвили, Бесики был замечательным мастером стиха, превосходным версификатором, правда, он излишне увлекался внешней стороной стиха, что приводило его к риторичности и некоторой искусственности.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Культура Азербайджана также восходит к глубокой древности. В УП-UI вв. до н.э. на территории нынешнего южного Азербайджана существовало могучее государство Мидия. У мидийцев была своя письменность, получило развитие религиозное учение зороастризма с его священной книгой "Авеста". Еще до нашей эры была создана Кавказская Албания, разноплеменная страна, где также имелась письменность и литература, позже, в УП в., уничтоженные в результате арабского нашествия и утверждения ислама. С завоевания края арабами на территории Азербайджана получает распространение арабский алфавит и язык, на котором создаются и литературные памятники.

С середины XI в. в Азербайджан приходят турецкие кочевые племена огузов, от которых ведет свое начало азербайджанский язык, относящийся к огузской группе турецких языков. На основе смешения огузов с древним коренным населением края и возникла азербайджанская народность. В литературе же, однако, турецкий язык утвердился не сразу. В XI-XIII вв. да и позже в литературе на территории Азербайджана господствовал язык фарси, который в ту пору носил международный характер. Фарсиязычная словесность Азербайджана одновременно является составной частью классической таджико-персидской литературы.

На древнеазербайджанском языке создавался фольклор. К X-XI вв. относится создание огузского героического эпоса "К и т а б и д е д ё К о р к у т" ("Книга моего деда Коркуда"), который известен в записях конца XV столетия. Эпос состоит из 12 песен, своего рода былин, в которых описываются главным образом события, связанные с приходом в Азербайджан племени огузов, войны огузских богатырей с "неверными". Эпос отражает переход огузов от патриархально-племенного кочевого образа жизни к феодальным порядкам. В героях эпоса сочетаются черты патриархальные и феодальные, богатырей-кочевников и благородных рыцарей. Героини-женщины ни в чем не уступают мужчинам. "Китаби дедё Коркут" написан ритмизованной прозой, в которую вставлены отдельные чисто стихотворные отрывки, чаще всего лирического характера. В эпосе отразилось мироощущение народа, его идеалы.

В XII в. на территории Азербайджана создаются независимые государства, развиваются города, торговля, ремесла. В этих условиях получает развитие и литература, преимущественно поэзия. Одновременно в Азербайджане, как и в Армении и Грузии, с которыми поддерживаются тесные культурные связи, утверждается новый взгляд на мир, новая гуманистическая концепция человека, противостоящая господствующим в условиях средневековья религиозным представлениям. В фарсиязычной литературе Азербайджана, как и в классической таджико-персидской, армянской и грузинской, заметны черты Предренессанса в его своеобразном восточном варианте.

У истоков фарсиязычной лирики на территории Азербайджана стоит Катран Тебризи (1010-1080), придворный поэт, восхвалявший в своих касыдах правителей страны. К XII в. относится творчество первой поэтессы Мехсети Гянджеви, чьи четверостишия, чаще всего воспевающие любовь, отличаются амакреонтическим вольнодумством.

Один из самых крупных поэтов XII в. в Азербайджане — Хагани (Хакани — Царственный; 1120-1199). Он был придворным поэтом Ширваншахов, в блестящих по форме касыдах воспевал царей. Однако гордый дух, свободолюбие, чувство собственного достоинства приводят поэта к конфликту со двором. Хагани стремится уйти от двора, дважды отправляется в хадж (паломничество в священную для всех мусульман Мекку) и, наконец, пытается бежать от Ширваншахов. Его поймали и посадили в темницу, где он создает потрясающий по силе отчаяния и гнева цикл тюремных элегий "Хабсийе" (= "Тюремное"). Во время хаджа Хагани посетил Иран и Ирак, и это дало ему материал для двух крупных произведений: поэтического описания путешествия по арабскому и персидскому Ираку — поэмы "Дар двух Ираков" и большого по размеру стихотворения-элегии "Развалины Медаяна" (древней столицы Ирана, превратившейся в руины). В обоих произведениях много медитаций, размышлений поэта о судьбе народов и государств, о царящей в мире несправедливости. Хагани принадлежат и замечательные образцы лирики, в которых также сильны социально-философские и дидактические мотивы.

Величайшим же фарсиязычным поэтом Азербайджана был

Ильяс ибн Юсуф Низами Ганджеви (II4I-II23).^I Выходец из среды горожан, уроженец Ганджи (ныне Кировабад в Азербайджанской ССР) Низами всю жизнь прожил в этом городе, в ту пору одним из крупнейших научных и культурных центров Востока. Здесь же он получил прекрасное образование: произведения Низами демонстрируют нам широкий круг познаний поэта в области литературы, истории, теологии, философии, астрономии, медицины, естественных наук. По-видимому, в молодости Низами попытался стать придворным пиитом, но вся обстановка придворной жизни показалась ему столь отвратительной, что он отказался от карьеры одописца и остался на всю жизнь вольным художником. Низами, правда, посвящал свои поэмы царям, но это было в те времена единственным средством получения гонорара (согласно тогдашним представлениям, правитель, которому посвящена поэма, обязан оплатить труд поэта). Возможно, Низами был связан с полуплебальными суфийскими организациями горожан - ахи.

Творческий путь Низами, скорее всего, начался с лирики, с газелей, но мировую известность принесли ему пять поэм, позже объединенных в цикл "Хамсе" (= "Пятерица"). Они считаются и одними из самых ярких памятников Восточного Ренессанса.

Первая часть хамсе - философско-дидактическая поэма "С о к р о в и щ и ц а г а й н" (II70-е гг.). Она состоит из вступления и 20 глав-бесед ("макалэ"). Во вступлении вначале следует традиционное и обязательное славословие аллаху и его пророку Мухаммаду. Два раздела вступления посвящены доказательству превосходства художественного слова вообще и поэзии над прозой в частности; в центре же раздела "О вступлении ночи и назначении сердца" - проблема человека как существа одновременно индивидуального и общественного. Эта проблема - одна из основных в поэме. В макалэ разрабатываются различные философские, религиозные, морально-этиче-

^I Даты рождения и смерти Низами, как и других поэтов Востока, точно не определены и до сих пор вызывают споры. В разных источниках можно встретить разные даты жизни поэта; мы приводим те, которые в наибольшей мере утвердились в науке.

ские, иногда и социальные проблемы; завершаются они, как правило, рассказом-притчей, как бы иллюстрирующей в художественной форме основную тему главы.

В поэме "Сокровищница тайн" изложена вся система гуманистического мировоззрения Низами. В суровый и жестокий век постоянных войн, феодального угнетения, религиозного фанатизма Низами выступает с проповедью человечности, толерантности, социальной гармонии, идеальной личности. Его проповедь обращена прежде всего к сильным мира сего, к правителям, ибо они — основной источник зла, царящей в мире несправедливости. Много внимания в поэме уделено вопросу, каким должен и каким не должен быть царь. Низами всячески стремится убедить правителей, что им выгоднее быть справедливыми, правосудными, хорошо обращаться с подданными, заботиться о них. Вместе с тем поэт обращается и ко всем людям с призывом быть честными, правдивыми, умеренными, воздержанными в своих страстях, с призывом трудиться, приносить пользу другим. Он зовет людей любить и уважать друг друга.

Человек, с точки зрения Низами, существо двойственное, в нем два начала — духовное и телесное. Высшее духовное начало управляется разумом и сердцем, оно основано на любви, дарованной миру богом. В низшем же телесном начале господствуют биологические инстинкты, низменные страсти. Их-то и надо умерять воспитанием, совершенствованием, воздержанием. Но мир устроен так, что у одних отняты все возможности для нормальной жизни, другие же утверждают свои похоти, свои страсти за счет прочих людей. Низами гневно осуждает такое положение, мечтает о гармоническом устройстве общества. Однако путь к нему поэт видит в нравственном самосовершенствовании человека, в очищении сердца от всякой "телесной скверны".

Три следующих поэмы "Хамсе" сюжетны и посвящены любви. Воспевание великой силы человеческого чувства — земного чувства любви, как и возвеличение женщины в поэмах Низами имеет глубокий идейный смысл. В мире ислама женщина считалась существом низшим, а любовь мужчины и женщины греховной. В условиях гарема, многоженства, в условиях, когда женщину можно было купить и продать и никто не считался с ее чувствами, собственно, не было места для любви. В противовес господст-

вующим в мире ислама представлениям Низами показывает в своих поэмах великую преобразующую, облагораживающую силу любви, рассматривает любовь как естественное и нормальное, а не как греховное и аномальное чувство, оно должно быть свойственно всякому настоящему человеку. Героини поэмы Низами — существа, исполненные благородства, чувства внутреннего достоинства, вообще лучших человеческих качеств, ни в чем не уступающие, а иногда и превосходящие героев-мужчин. Во всем этом был глубокий антиисламский и — шире — антифеодальный смысл. Это было ренессансное открытие человека и признание важности и значения мира человеческих чувств.

Вторая поэма — "Х о с р о в и Ш и р и н" (II81) — посвящена поэтом памяти горячо любимой жены Аптак, рабни-половчанки, которую правитель Дербента за строптивость, как неугодную подарил Низами. Главными героями поэмы являются исторические личности — выдающийся правитель домусульманского Ирана Хосров и его жена Ширин, родом с Кавказа. Это, по существу, роман в стихах с весьма разветвленным сюжетом, с ярко выписанными характерами героев, раскрывающий мир их чувств и переживаний. Главной героиней Низами делает Ширин, именно она носительница лучших человеческих качеств, в число которых входит и верность в любви, носительница активного начала. Хосров же — беспечный эгоист, который, при всех своих хороших задатках, не способен к действию, непостоянен в любви — в любви он хочет только получать и ничем не жертвовать. В этом отношении ему противопоставлен каменотес Фархад, способный на великие деяния во имя любви, жертвующий всем ради нее, идущий на смерть, когда ему приносят ложное известие о гибели любимой. Однако сила любви Ширин настолько велика, что под ее влиянием изменяется даже Хосров. Он становится справедливым монархом и перед смертью проявляет истинное благородство.

Третья поэма — "Л е й л и и М е д ж и у н" (II88) — написана на сюжет, давно уже бытовавший в фольклоре и литературе Ближнего и Среднего Востока. Генетически он восходит к старинному арабскому фольклорному преданию, возникшему примерно в VII в. и рассказывающему о любви Кейса и Лейли, любви, приводящей юношу к безумию, почему он и получает про-

звизе Меджнуна (= Одержимого). Лейли и Меджнун — это своего рода восточные Ромео и Джульетта, которым в силу многих причин не дано соединиться, и они смертью утверждают свою верность друг другу. Низами развернул старинное сказание в сюжетную поэму, где образ Меджнуна (как и образ Хосрова в предыдущей поэме) дан в развитии: мы видим постепенное разгорание страсти, приводящее к одержимости, разрыв Меджнуна с внешним миром, когда образ Лейли окончательно вытесняет его собственное "я" и она теперь живет в его сердце, реальная же возлюбленная больше не нужна герою. Кстати, эта концепция сближает поэму с суфизмом, хотя она явно не суфийская аллегория. Гёте характеризовал любовь Меджнуна как "идеальное стремление, нигде не находящее удовлетворение". Меджнун — это идеальный трагический влюбленный. Опять и здесь Низами раскрывает великую силу любви, которая делает Меджнуна поэтом, поет гимн верности в любви.

Если в "Лейли и Меджнуне" любовь трагическая, то в следующей поэме — "С е м ь к р а с а в и ц" (II97) — любовь, скорее, шутивая, легкая. Главный герой поэмы — древнеиранский шах Бехрам Гур, с которым связано много фольклорных преданий. В поэме повествуется как об его государственных деяниях, так и, главным образом, о его любовных увлечениях — прекрасной рабыней Фитне и семью царевнами-красавицами, для которых он строит 7 дворцов. При этом каждый замок имеет свой цвет, соответствующий астрологическим представлениям о дне недели, когда шах посещает дворец, и о той планете, которая с этим днем недели связана. В поэму включено семь занимательных рассказов-сказок, в основе которых также лежит любовь. Образ Бехрама Гура в поэме как бы двоятся. С одной стороны, это справедливый государь, с другой — царь-жуир, который предается любовным наслаждениям и забывает о государственных делах. Отсюда и любопытные перебивки в сюжете: за любовными эпизодами следует мотив несчастья для страны — голода, нападения китайского хакана, жутких злоупотреблений визира и пр. Всем этим Низами хочет утвердить мысль, что всякое забвение правителем своих обязанностей влечет за собой бедствия для государства.

Образ идеального монарха создан Низами в последней час-

ти хамсе - поэме "И с к е н д е р - н а м е" ("Книга об Искендере", ок. 1201), посвященной Александру Македонскому. Александр Македонский (Искендер) был очень популярен на Востоке, с ним связан ряд легенд, в которых великий завоеватель выступает законным претендентом на престол восточных правителей. В поэме Низами, состоящей из двух частей - "Шараф-наме" ("Книга славы") и "Икбал-наме" ("Книга счастья"), образ Искендера дан в 3 аспектах: царь-завоеватель, царь - философ и мудрец и царь-пророк. В первой части описываются войны Искендера. Собственно, он выступает в них не как завоеватель, а как освободитель народов от гнета или от нападения внешних врагов (походы в Египет, Иран, война с руссами на Кавказе). Его слава - это не слава завоевателя, а борца за справедливость. В завоеванных им странах Искендер устанавливает порядок. Во второй части Искендер показан как мудрец, окруженный учеными и философами, стремящийся к знаниям, к овладению тайнами мира. Таков и должен быть идеальный монарх по представлениям Низами. Искендер достигает вершины знаний и направляет свой ум на познание бога. Бог дарует ему сан пророка, Искендер должен обойти весь мир и направить людей на путь истины. По пути из Китая на север он попадает в удивительную страну, где нет правителей, нет ни бедных, ни богатых, все равны, здесь люди не знают, что такое угнетение, неправда, несправедливость. Это страна-утопия, подобную которой Европа создала в лице Томаса Мора лишь в XVI в. Искендер удостоверяется в тщете своих устремлений и умирает. Низами почти во всех поэмах стремился создать образ идеального царя - вершина этих поисков Искендер. Но надо было обладать редкой смелостью, чтобы признать, что есть и более идеальный общественный порядок, вообще не нуждающийся в царях.

Хамсе Низами оказало огромное влияние на все литературы Ближнего и Среднего Востока и послужило образцом для подражания десяткам поэтов. Поэзия Низами - одна из вершин средневековой поэзии вообще.

Монгольское нашествие в начале XIII в. совершенно разорило страну и положило конец расцвету культуры и литературы, хотя их развитие и не прекращается. Этому способствовало создание во второй половине XIII в. государства Хулагидов со столицей

сначала в Мараге, а затем в Тебризе. Марага и Тебриз превратились в важные центры культуры и науки. Новый удар стране был нанесен в конце XIV в. Тимуром. За ним последовали новые войны, феодальные междоусобицы, что делало положение трудящихся масс крайне тяжелым.

В литературе Азербайджана XIII-XV вв. усилились религиозно-мистические и пессимистические мотивы, широкое распространение получил суфизм. Феодальные правители страны обычно опирались на мусульманское духовенство. В силу этого оппозиционные антифеодальные течения очень часто принимали форму религиозных ересей. Наиболее сильным оппозиционным движением, направленным как против ортодоксального ислама, так и против феодальных порядков и светских властей, был хуруфизм. Хуруфизм - ответвление суфизма; его название происходит от слова "хуруф" - "буквы": хуруфиты считали буквы арабского алфавита, которым написан Коран, знаками божьими, содержащими скрытый смысл - тайну мироздания. Тот, кто познает этот тайный смысл, возвысится до божества, сам станет богом. Мистический пантеизм хуруфитов, доказывавших возможность обожествления человека (их формула - "Бог - это я!"), вместе с тем утверждал возможность достижения высшего счастья, блаженства уже на земле. За религиозной оболочкой учения хуруфитов нередко скрывается критическое отношение к существующим порядкам, гуманизм, восхваление человека. Хуруфизм оказал большое влияние и на литературу.

Новым в литературе XIII-XIV вв. было появление первых произведений на тюркском (староазербайджанском) языке. Правда, в целом в литературе еще господствует язык фарси (Ассар Тебризи, Авхади Марагани и др.). Характерно, что и поэты, пишущие на тюрки, обычно двуязычны или даже триязычны: создают свои произведения на тюрки, фарси и арабском языках (Ахмед Бурханеддин и др.). Первым поэтом, который в конце XIII в. стал использовать и азербайджанский язык, был Иззеддин Гасан-оглы. Из всего его творчества до нас дошло только две любовные газели - одна на тюрки, другая на фарси.

Самым крупным выразителем идей хуруфизма в литературе был замечательный поэт-бунтарь Имадеддин Насими (1369-1405). Жизненный путь его начался в Азербайджане. Уже в зрелые годы

Насими стал сторонником хуруфизма и проповедником этого учения, подвергался преследованиям, вынужден был бежать с родины, скитался по странам Ближнего Востока. В Сирии, в Халебе (Алеппо), он был схвачен и, как еретик, подвергнут страшной казни: с него живого содрали кожу.

В своих лирических стихотворениях (касыдах, газелях, рубои), написанных на азербайджанском, фарсидском и арабском языках, Насими в поэтической форме излагает основные положения хуруфизма, отождествляет человека с богом. По мысли Насими, человек, подобно богу, велик, всеобъемлющ и могуч, он как бы включает в себя всю премудрость мира:

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.

Я — суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.

Все то, что было, есть и будет, — все воплощается во мне. Единство бога и человека зиждется на любви и познании прекрасного. Пантеистическая философия хуруфизма, правда, приводила к тому, что Насими чаще всего рассматривал человека вообще, вне конкретного социального окружения, но все же это не снимает обличительного момента в его стихах — критики общественного неустройства, несправедливости. Идеи Насими выходили за рамки хуруфизма и утверждали величие человека.

В конце XV — начале XVI в. азербайджанские земли были объединены шахом Исмаилом I из династии Сефевидов в единое государство, что способствовало развитию культуры и литературы, в которой быстро возрастает удельный вес азербайджанского языка. Кстати, сам шах Исмаил (1486—1524) был и талантливым поэтом, выступавшим под псевдонимом Хатаи. В его стихах религиозные мотивы в духе шиизма соединяются с патристическими и героическими. Отпечаток его яркой личности лежит и на любовной лирике Хатаи, а также на его поэме "Десять писем", представляющей собой любовную переписку на прекрасном азербайджанском языке.

На XVI в. падает жизнь и деятельность одного из крупнейших азербайджанских поэтов Мухаммеда ибн Сулеймана Физули (ок. 1498—1556). Он родился в городе Кербела близ Багдада и всю свою жизнь прожил в Ираке, был бедным священнослужителем при святых местах мусульман в этом крае и умер в нужде.

Литературное наследие Физули, в котором не только нахо-

дят продолжение традиции Восточного Ренессанса, но и проявляются новые черты, весьма обширно. Он писал на 3 языках - азербайджанском, фарсидском и арабском, причем наибольшее значение имеют его произведения, созданные на родном языке поэта. Физули - талантливый лирик. В своих газелях он воспевае любовь, красоту и прелесть возлюбленной, силу своего чувства. Любовь у Физули - понятие очень емкое, широкое: это и любовь к женщине, и возвышенное чувство, восходящее к богу (отсюда возможность суфийской мистической интерпретации газелей Физули), и вообще некое всеобъемлющее чувство, направленное на весь мир и неразрывно связанное с добром, гуманизмом, истинной человечностью. Неудачи в любви - а Физули, как и почти все другие авторы газелей, воспевае, как правило, несчастную безответную любовь - это лишь отражение общего неустройства жизни. Это объясняет включение в художественную ткань газелей Физули обличительных мотивов, мотивов недовольства миром. Для лирики поэта характерна смена настроений - то тоска и печаль, то гнев и негодование на судьбу, то выражение надежды. Во всем этом находит отражение эпоха, в которую жил Физули.

Аналогичный круг проблем характеризует и лучшую поэму Физули - "Ле й ли и М е д ж н у н" (1536-1537), написанную как ответ на уже знакомую нам одноименную поэму Низами. Существующий порядок враждебной любви и закономерно вызывает трагедию влюбленных. Физули рисует в поэме безысходно тяжелое положение восточной женщины, лишенной права на свое чувство.

Физули известен и как автор аллегорических поэм "Гашиш и вино", "Беседа плодов" и др., в которых поэт сатирически высмеивает пороки феодалов, их распутство, чванство, осуждает кровавые феодальные войны, которые приносили столько бедствий народу.

Наконец, Физули был автором первой социальной сатиры в прозе на тюркских языках - "Ш и к а е т н а м е" ("Книга о жалобе"), основанной на подлинных событиях из жизни поэта: султан назначил ему небольшую пенсию, которую он так и не смог получить. В произведении язвительно высмеивается бюрократизм, взяточничество, казнокрадство чиновников, их пол-

ная безнаказанность, вся система феодальной коррупции.

Физули окончательно утвердил в литературе азербайджанский язык.

В азербайджанской литературе второй половины XVI - XVII вв. преобладали последователи Физули (Саиб Тебризи, Месихи, Говси Тебризи и др.), которые также воспевали любовь, отдавая при этом дань суфизму. Но одновременно шел другой процесс. Начиная с XVI в., в Азербайджане наблюдается быстрое развитие фольклора: создается героический эпос "Кёр-оглы", лирические дастаны о любви. В дастане "Асли и Керем" повествуется о трагической любви азербайджанца-мусульманина Керема и дочери армянского священника Кара-Кашима Асли, которая завершается гибелью влюбленных. В "Ашуг-Гарибе" описываются любовные приключения ашуга. Позже М.Ю. Лермонтов записал на Кавказе это предание под названием "Ашик-Кериб". В этот же период развивается ашугская поэзия (ашуги Туфарганлы Аббас, Хурбани, Сары-ашуг и др.), распространение получают такие поэтические формы, как баяти и тошма. Баяти - четверостишие, состоящее из семисложных стихов, рифмующихся по схеме ааба. Тошма - стихотворение из 5 строф, каждая строфа состоит из 4 одинадцатисложников, схема рифмовки - абаб аааа гггб и т.д. Поэзия ашугов выражала мысли и чувства простых людей, тяжело страдавших от феодального угнетения и войн.

Фольклор и ашугская поэзия постепенно начинают оказывать все большее воздействие на литературу. Это особенно заметно в литературе XVII в., когда на первый план выступают поэты, вообще стремившиеся к синтезу ашугской поэзии с традициями классической литературы. К этому направлению относятся крупнейшие поэты указанного столетия - Байг-Нова, Видади, Вагаф. Этот синтез способствовал демократизации азербайджанской литературы, усилению в ней реалистических элементов, приближению языка литературы к народному, разговорному.

Молла Вели Видади (1707-1808) в своих пессимистических, исполненных скорби стихах через думы и чувства лирического героя отразил историческую реальность тех лет: феодальную раздробленность, постоянные войны и междоусобицы, восточный деспотизм, гнет мусульманского фанатизма, унижение личности,

тяжелое положение крестьянства. Все это вызывает у поэта острое недовольство жизнью, горькие раздумья над действительностью ("Журавли"). Стихи Видади чаще всего написаны как взволнованный монолог лирического героя, за которым стоит сам автор; в них слышен его живой голос.

Поэзия Молла Панаха Вагифа (1717-1797) совершенно иная по своему тону и мировосприятию, хотя в структуре стихов Вагифа и Видади много общего. Вагиф родился в крестьянской семье, но сумел получить хорошее образование и выдвинуться: он стал визиром - министром иностранных дел у карабахского хана, проводил умную и дальновидную внешнюю политику - стремился к союзу с другими ханствами и с Грузией для борьбы с Ираном, к установлению с этой же целью отношений с Россией.

Для поэзии Вагифа характерно светлое и радостное восприятие мира, воспевание любви, человеческой красоты, прелестей природы, мечты о возможности достижения счастья уже здесь, на земле. При этом Вагиф окончательно освободил тему любви от мистического начала, его любовь - земная и реальная, а герои любовной лирики - не условные влюбленные, изображаемые традиционными образами восточной поэзии, но живые люди со своими чувствами и характерами. В результате поэзия любви у Вагифа превращается в поэзию реальной действительности, в воспевание ее светлых прекрасных сторон.

Но мрачная феодальная действительность не могла не воздействовать на поэта. Ему пришлось на себе испытать изменчивость судьбы, жизненные невзгоды. Отсюда порою оптимизм и жизнеутверждающие мотивы в поэзии Вагифа сменяются пессимизмом, гневной язвительной иронией по адресу современного общества. Таков замечательный мухаммас "Я правды искал, но правды снова и снова нет...", в котором поэт клеймит существующий порядок, правителей, мулл и шейхов, творящих беззаконие. Вагиф, как и Видади, часто обращался к жанру гошмы. В его поэзии наиболее ярко проявился тот синтез фольклора, ашугской поэзии и традиций классической литературы, который объективно разрушал старую средневековую поэтическую систему и подготавливал новую азербайджанскую литературу.

Библиография

- Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней / Под ред. и с предисловием В. Брюсова. М., 1916; Ереван, 1966, 1987.
- Антология армянской поэзии. М., 1940.
- Поэты Армении. Л., 1979 [Малая серия "Библиотеки поэта"].
- От "Рождения Ваагна" до Паруйра Севака: Антологический сборник армянской лирики в двух книгах. Кн. I. Ереван, 1983.
- Армянская средневековая лирика. Л., 1972 [Большая серия "Библиотеки поэта"].
- О р б е л и И. Басни средневековой Армении. М.; Л., 1956; Ереван, 1982.
- Н а р е к а ц и Г. Книга скорбных песнопений. М., 1985.
- К у ч а к Н а а п е т. Лирика. М., 1961, 1972.
- С а я т - Н о в а. Стихотворения. Л., 1982 [Большая серия "Библиотеки поэта"] (имеется и ряд других изданий).
- Грузинская проза. Т. I. М., 1955.
- Антология грузинской поэзии. М., 1958.
- Древнегрузинская литература (V-XVIII вв.). Тбилиси, 1982, 1987.
- Р у с т а в е л и Шота. Витязь в тигровой шкуре. Л., 1988 [Большая серия "Библиотеки поэта"] (имеется и много других изданий).
- О р б е л и а н и С. С. Мудрость вымысла. М., 1975 (есть и другие издания).
- Г у р а м и ш в и л и Д. Стихотворения и поэмы. Л., 1980 [Большая серия "Библиотеки поэта"] (есть и другие издания).
- Антология азербайджанской поэзии: В 2 т. М., 1960.
- Литература народов СССР: Хрестоматия / Сост. Л.И. Климович. Ч. I. М., 1971 /раздел "Азербайджанская литература"/.
- Народная поэзия Азербайджана. Л., 1978 [Большая серия "Библиотеки поэта"].
- Поэты Азербайджана. Л., 1962 [Большая серия "Библиотеки поэта"]; Л., 1970 [Малая серия "Библиотеки поэта"].
- Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос. М.; Л., 1962.
- Х а к а н и. Избранные произведения. Баку, 1959; Лирика. М., 1967; Ветер в руке. М., 1986.

- Н и з а м и. Пять поэм. М., 1968; Стихотворения и поэмы. Л., 1981 [Большая серия "Библиотеки поэта"]; Собрание сочинений: В 5 т. М., 1985-1986.
- Н а с и м и. Лирика. М., 1973.
- Ф и з у л и. Избранное. Баку, 1958; Лейли и Меджнун. М., 1958; Газели. М., 1959.
- В а г и ф. Лирика. М., 1968.

- Ш а р и ф, Азиз. Литературы народов СССР. Раздел "Литературы народов Закавказья" (азербайджанская, армянская, грузинская): Методические указания. М., 1981.
- Н а л б а н д я н В. С., С а р и н я н С. Н., А г а б а б я н С. Б. Армянская литература. М., 1976.
- А б е г я н М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.
- Н а л б а н д я н В. С., Н е р с и с я н В. С., Б а ж - ч и н я н Г. Г. Армянская средневековая литература: Краткая история. Ереван, 1986.
- М к р т ч я н Л. Глагол времени: Армянская классическая поэзия V-XIII вв. М., 1977.
- Ч а л о я н Б. К. Армянский Ренессанс. М., 1963.
- Н а л б а н д я н В. С. Саят-Новя. Ереван, 1987.
- Б а р а н и д з е А., Р а д и а н и Ш., Ж г е н т и Б. История грузинской литературы. Тбилиси, 1958.
- К е к е л и д з е К. С. Конспективный курс истории древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1939.
- Ц а н ш в и л и С. От предков и современности: Раздумья о грузинской литературе. Тбилиси, 1987.
- Ш о т а Р у с т а в е л и и его время: Сборник статей. М., 1939.
- Г о л ь ц е в В. Шота Руставели, М., 1956.
- Н у ц у б и д з е Ш. Творчество Руставели. Тбилиси, 1958.
- Б а р а н и д з е А. Шота Руставели. М., 1966.
- Ц а н ш в и л и С. С. "Витязь в тигровой шкуре" Шота Руставели. М., 1966.
- Н у ц у б и д з е Ш. И. Руставели и Восточный Ренессанс. Тбилиси, 1967.

- К у м с и ш в и л и Д. И. Идеино-художественный анализ "Вия-
тязя в тигровой шкуре". Тбилиси, 1986.
- Б а р а м и д з е А. Г. Давид Гурамышвили: Краткий очерк
жизни и творчества. Тбилиси, 1955.
- Д а д а ш - з а д е М. А. Азербайджанская литература. М.,
1979.
- М а м е д А р и ф. История азербайджанской литературы:
(Краткий очерк). Баку, 1971.
- Б е р т е л ь с Е. Э. Низами: Творческий путь поэта. М.,
1956.
- Б е р т е л ь с Е. Э. Избранные труды: Низами и Физули. М.,
1962.
- Ш а г и н я н М. Этюды о Низами. Ереван, 1955.
- Г а д ж и е в А. Ренессанс и поэзия Низами Гянджеви. Баку,
1980.
- Выдающиеся русские ученые и писатели о Низами Гянджеви /Сост.
Р. Алиев. Баку, 1981.
- А р а с л ы Г. Имадеддин Насими: Жизнь и творчество. Баку,
1973.
- А р а с л ы Г. Великий азербайджанский поэт Физули. Баку,
1958.
- Ш а р и ф А. Вагиф - певец любви и красоты. М., 1968.
- Д а д а ш з а д е А. Певец жизни: (Раздумья о Вагифе). Ба-
ку, 1968.

ЛИТЕРАТУРЫ ЗАКАВКАЗЬЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

С началом XIX в. открывается новая эпоха в истории народов Закавказья и их культур. В первой трети прошлого столетия Закавказье вошло в состав России, что оказало огромное воздействие на все стороны жизни народов края — политическую, общественную, экономическую и культурную. На территории Закавказья установился мир и относительный порядок, постепенно стали развиваться капиталистические отношения. Все это привело к глубоким изменениям и в области духовной жизни: изменяется культурная ориентация народов Закавказья, ослабевают связи с Востоком и крепнут контакты с русской и западноевропейскими культурами.

Отмирает старая средневековая литература, и ей на смену к середине XIX в. приходит новая реалистическая. Однако путь к реализму у трех закавказских народов был не одинаков. У грузин ему предшествовало могучее и яркое развитие романтической поэзии (А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили). У армян в начале века некоторое распространение получил классицизм, а затем развитие реализма и романтизма шло параллельно, причем даже в литературе второй половины XIX в. В азербайджанской же литературе наиболее сильно ощущалось воздействие старой средневековой поэтики, правда уже осложненное элементами амугской лирики, просветительством и романтизмом (А. Бакиханов, Мирза Шафи Вазех).

Утверждение реализма у всех трех закавказских народов составляло единый процесс, в котором находила отражение борьба за сближение литературы с жизнью, за создание нового, близкого к народному, литературного языка, за разрыв с традициями и штампами старой средневековой словесности, стремление откликнуться на животрепещущие проблемы новой жизни, освоение новых форм художественного отображения действительности. На формирование реализма оказали влияние идеи просветительства (Х. Абовян, М. Ф. Ахундов). Для реализма характерно и обращение к новым жанрам, переход от преимущественно поэтических жанров к драматургическим (комедии Г. Эристави, М. Ф. Ахундова и Г. Сундукяна) и прозаическим.

ческим. Вместе с реализмом в литературу вошла социальная тематика и проблематика, причем писателей-реалистов особенно интересуют проблемы, связанные с развитием новых общественных отношений и с разложением феодально-крепостнических порядков: появление на арене общественной жизни буржуа, деградация дворянства. Стремление к правдивому отображению жизни сочетается с критикой дурного общественного устройства, социального зла. Отсюда нередко в произведениях элементы смеха, сатиры, иронии.

Окончательная победа реализма относится к 50-60-м годам прошлого века, когда его принципы получают и теоретическое обоснование (М. Налбандян, М. Ф. Ахундов, И. Чавчавадзе) и воплощаются в реальной художественной практике крупнейших мастеров слова. Вторая половина XIX в. проходит под знаком дальнейшего развития и углубления критического реализма, что наиболее заметно в прозе (повести И. Чавчавадзе и А. Казбеги, социальные романы Г. Церетели и Ширванзаде). В азербайджанской литературе развитие реалистической прозы несколько отстает, лишь в 1890-е гг. появляются повести Дх. Мамедкулизаде. Реализм утверждается и в поэзии (А. Церетели, С. А. Ширвани, И. Иоаннисян, О. Туманян), но там его развитие носило более сложный характер, ибо сильны были романтические традиции, тем более, что сохранялась почва (борьба за национальное освобождение), их питавшая. Углубление реализма происходит под сильным влиянием более развитой русской литературы. Параллельно с развитием реализма шел и процесс дальнейшей демократизации литературы.

Литературная жизнь Закавказья существенно меняется и обновляется в самом конце XIX - начале XX в., что связано с новым этапом освободительного движения - пролетарским, с ростом революционных настроений, появлением социал-демократии. Революционный подъем начала XX в. вызвал к жизни пролетарское течение в литературе, в творчестве представителей которого видны черты революционного романтизма (А. Аюбян, И. Евдощвили). Формированию этого течения способствовали работы марксистских критиков, утверждавших принципы новой литературы (С. Шаумян, А. Цулукидзе, Н. Нариманов). В новых условиях получает развитие сатира, язвительно высмеивавшая старый мир

и его защитников (азербайджанский сатирический журнал "Молла Насреддин", творчество Сабира). Новые черты проявляются и в критическом реализме, в котором заметно углубление психологизма (Д. Кудиашили). Появляются писатели, в творчестве которых как бы синтезируются различные линии литературного развития (О. Туманян, А. Исаакян). После революции 1905-07 гг. во всех закавказских литературах зарождается и модернизм, чаще всего символизм (грузинская группировка "Голубые роги"). Особенно существенным в развитии словесности была подготовка нового качества — литературы социалистического реализма.

ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Г р у з и н с к а я л и т е р а т у р а п е р в о й п о л о в и н ы X I X в.

В начале XIX в. Грузия окончательно вошла в состав России. Это был исторический шаг огромной важности для грузинского народа. Грузия, до тех пор раздираемая внутренними междоусобицами и бывшая объектом нападений внешних врагов — Персии и Турции, получила возможность мирного развития. Быстрее стала развиваться экономика страны, хотя темпы капиталистического развития Грузии и были невысоки.

Однако необходимо помнить, что Грузия вошла в состав царской России. Царизм не только поддерживал феодальное угнетение народа, но и установил в крае жестокий колониальный режим. Грузинский народ страдал под двойным гнетом — социальным и национальным. Крестьянство отвечало на ухудшение своего положения бунтами, восстаниями.

Но недовольна была и грузинская дворянская интеллигенция, тяжело переживавшая утрату национальной независимости. В ее среде возникает заговор 1832 г., ставивший целью восстановить свободную Грузию. Заговор был раскрыт властями, и его участники подверглись репрессиям. Это еще более усилило настроения разочарования, смятения, ощущение глубокого внутреннего кризиса в обществе среди образованных слоев грузин.

Присоединение Грузии к России сыграло огромную роль и в развитии культуры: если грузинская литература и искусство до тех пор преимущественно ориентировались на Восток, то теперь наоборот они обращаются к достижениям культуры европейской, в первую очередь русской. В этих условиях изменяется и усложняется литературная жизнь Грузии: отмирает старая поэтическая культура и на ее месте возникает новая, европеизированная, сначала романтическая, а позже и реалистическая. Русская литература оказывает большое влияние на грузинскую, чему способствовало и то, что многие крупные русские писатели лично бывали в Грузии (А.С. Грибоедов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, писатели-декабристы).

Ведущим направлением грузинской литературы первой половины XIX в. стал романтизм. Почвой, породившей грузинский

романтизм, было недовольство в обществе существующим положением, что вызывало стремление уйти от неприятного реального мира, где царят зло и неправда. В основе его лежит субъективизм — обращение к царству авторской души, к переживаниям, настроению, думам автора. Однако грузинские романтики, в отличие от многих западноевропейских, не стремились уйти в мир мистики, им не свойственна религиозная устремленность к потустороннему. Грузинский романтизм несравнимо более "земной". Для грузинских поэтов-романтиков очень существенен был вопрос о национальном освобождении родины, поэтому в их творчестве важное место занимают патриотические идеи и мотивы. Дурной современности в их произведениях нередко противопоставляется величественное прошлое Грузии, ее исторические герои, причем зачастую поэты идеализируют это прошлое.

Поэзия грузинских романтиков исполнена глубоких противоречий. С одной стороны, для нее характерны мотивы грусти, печали, тоски, разочарования в жизни, связанные с торжеством зла в реальном мире и невозможностью воплотить в жизнь свои возвышенные идеалы. Эти мотивы порою переходят в глубокий пессимизм, чувство отчаяния, уверенности в неразрешимости противоречий между высокими мечтами поэта и низкой действительностью. С другой стороны, это же ощущение невозможности достичь идеала и разрешить реальные противоречия жизни могли приводить романтиков и к прямо противоположным выводам: так давайте возьмем от жизни, что еще можно взять, давайте наслаждаться теми немногими радостями жизни, которые нам еще остались, — давайте веселиться, пить вино, любить. Отсюда гедонистско-анакреонтические мотивы в поэзии романтиков — мотивы наслаждения жизнью, воспевания любви, прекрасных женщин, вина. Все же глубоким подтекстом и этой любовно-анакреонтической лирики грузинских романтиков чаще всего являются те же тоска и разочарование в жизни.

В грузинском романтизме иногда выделяют два крыла — консервативное и прогрессивное, хотя это деление весьма условно. Представители консервативного крыла (В. Орбелиани и др.) видели свой идеал в прошлом, в древней независимой феодальной Грузии, где, будто бы, существовал братский союз дворян и крестьян, объединенных общим патриотическим долгом

1870; стихотворение "К Ярали", 1832, и др.). С годами все более пессимистичным становился взгляд поэта на судьбу родного края: прекрасное прошлое ушло и не вернется ("Лик царицы Тамары в Бетанийской церкви", 1877).

И рядом с этим, как и у А. Чавчавадзе, анакреонтические стихи, воспевавшие любовь и радости жизни, в которых, впрочем, также порою чувствуется элегическая нотка ("Вечер разлуки"). В этих стихах Г. Орбелиани окончательно отказывается от следования принципам старой восточной поэзии. Для них характерно романтическое понимание любви, в которой подчеркивается прежде всего ее духовная сторона. Любовь рассматривается как великое чувство, благодаря которому человек уподобляется божеству и которое продолжается и после смерти.

Г. Орбелиани в некоторых стихах описывал жизнь и мир чувств тифлиских "карачохи" — веселых, разбитных, остроумных ремесленников и мелких торговцев, любителей веселья, приключений, любви, не стесненной никакими законами. Мир карачохи казался поэту своеобразным осколком старой Грузии.

Крупнейшим представителем грузинского романтизма, подлинным создателем новой грузинской литературы был Николоз Бараташвили (1817-1845), гениальный поэт, сумевший встать вровень с лучшими мастерами мировой классики. Хотя творческое наследие его не велико и включает всего 42 произведения (в большинстве — стихотворения), тем не менее в них он поставил и попытался разрешить сложнейшие жизненные проблемы и прежде всего проблему взаимоотношения личности и общества.

Жизнь Н. Бараташвили небогата внешними событиями. Он родился в знатной, но быстро бедневшей семье, учился в Тбилисском благородном училище, преобразованном в гимназию. Из-за тяжелого материального положения семьи поэту пришлось начать работать чиновником в Экспедиции суда и расправы. В конце жизни Н. Бараташвили был назначен помощником начальника уезда в Нахичевань, а затем в Ганджу, где он и умер совсем молодым от малярии. Можно еще отметить его неудачную любовь к красавице Екатерине Чавчавадзе, которая оставила заметный след в его поэзии. Хотя Н. Бараташвили был окружен литераторами, его поэтическим опытом особого значения не

придавали и при жизни он не увидел в печати ни одного своего стихотворения. Большинство дошедших до нас его стихов — это черновики, но, быть может, поэтому столь явственно мы ощущаем в них гениальность поэта.

Если по значению для истории грузинской литературы Н. Бараташвили можно сравнить с А.С. Пушкиным в русской, то по характеру своего творчества он напоминает М.Ю. Лермонтова. Пессимизм, мотивы одиночества, настроения грусти и печали составляют характернейшую тональность всего творчества поэта. Для него типично разочарование в жизни, недовольство действительностью. Нигде, ни в чем поэт не видит отрады, не находит утешения. Основой этого пессимизма был остро прочувствованный Н. Бараташвили разлад свободолобивой личности с современным ему обществом, болезненный конфликт между высокими устремлениями человека и низкой действительностью. Поэт стремится распутать цепь мучительных противоречий жизни, но сделать он это не в силах. Творчество Н. Бараташвили и представляет собой все большее и большее углубление пессимизма и в то же время все новые и новые попытки найти выход, найти пути разрешения этих в общем-то неразрешимых в ту пору противоречий жизни. За всем этим стоит реальность царской России и — шире — реальность несправедливого общественного устройства, где народ и отдельная личность угнетены, унижены, лишены возможности проявить себя, свободно развиваться. За этим стоит и реальность Грузии, грузинского народа, страдавшего под двойным гнетом.

Разлад между свободолобивой личностью поэта и затхлым обществом, проблема взаимоотношения человека и среды рано начали волновать Н. Бараташвили. Постепенно конфликт личности и общества углубляется, приходит горькое чувство одиночества, чувство обреченности человека в этом мире, неминуемости для него бед и печалей ("Одинокая душа"). В мире правит злобный дух, который пытается убить в человеке все доброе и оставить в его душе лишь горький осадок разочарования ("Злой дух"). Жизнь — это осенний ветер, ломающий все прекрасное, все, что дорого и близко поэту ("Осенний ветер у меня в саду...").

Как поэт-романтик, Н. Бараташвили пытается найти успо-

коение, убежать от дурной действительности в мир своей мечты, пытается там построить некое призрачное здание идеального порядка. Но жизнь разрушает его мечтания, храм его мечты пропадает, уходит под землю ("Я храм нашел в песках..."). Напрасны попытки поэта найти утешение в молитве, в обращении к богу: выясняется, что и бог не может разрешить болезненные противоречия жизни, не может указать выхода.

Наиболее типичным для романтиков прибежищем от зла жизни была любовь. В этом божественном чувстве, поднимающем человека над грязной действительностью, они искали спасения от превратностей мира. Н. Бараташвили воспринял романтическую концепцию любви, но он не может найти утешения и в ней. Его противоречивая любовь, страдающая изломанная душа поэта кажется его возлюбленной слишком сложной и непонятной ("Что странного, что я пишу стихи?").

Лишь изредка поэт находит утешение в близости, в слиянии с природой, тихой, спокойной, гармоничной. Но успокоение недолго – даже здесь, на лоне природы, поэт не может забыть о жизни, о ее конфликтах и противоречиях.

Все мрачнее и мрачнее становится взгляд Н. Бараташвили на жизнь. Этот пессимизм поэта, быть может, достигает апогея в мягком лирическом его стихотворении "Ц в е т н е б е с н ы й, с и н и й ц в е т ...", где он приобретает глобальный характер.

Но пессимизм никогда не приводил Н. Бараташвили к безнадёжности и пассивности, не заставлял его уходить в заоблачные выси мистики или в мир, будто бы, прекрасного прошлого. Н. Бараташвили не только поэт-пессимист, но и поэт-бунтарь, стремящийся в борьбе разрешить противоречия современности и через все трудности придти к счастливому будущему. Это необыкновенно важный вывод, к которому приходит поэт, – вывод о необходимости вечного движения вперед, через борьбу, к грядущему. Подлинным апофеозом борьбы, исканий, неустанного движения вперед является одно из лучших стихотворений Н. Бараташвили "М е р а н и" (1842). Мерани* несет лириче-

* Мерани – крылатый вороной конь, грузинский фольклорный сказочный образ.

ского героя стихотворения вперед, через все трудности, в космос, к свободе, в царство будущего. Непреклонен дух героя, нестигаема его воля, он полон презрения к смерти — его не страшит борьба с роком, с судьбой, олицетворенной в образе черного ворона. При этом стремление лирического героя вперед, в космос, лишено индивидуалистического бунтарства — он стремится добыть свободу не только для самого себя, он будет удовлетворен и тем, что своей гибелью проложит дорогу будущим поколениям, поможет своему грядущему собрату обогнать коня судьбы. Это и делает "Мерани" не только выражением благородных устремлений автора, но и стремления грузинского народа к свободе.

Особое место в творчестве Н. Бараташвили занимает его единственная поэма "С у д ь б а Г р у з и и" (1839), в которой описываются трагические события истории Грузии конца XVIII в., Крцанисская битва 1795 г., где грузины, возглавляемые талантливым Ираклием II, тем не менее потерпели страшное поражение от персов. Ираклий II приходит к выводу, что Грузия не может существовать самостоятельно и необходимо отдаться под покровительство России. Другую точку зрения выражает канцлер Ираклия II горячий патриот Соломон Леонидзе. Он считает, что свобода Грузии превыше всего и лучше всем грузинам погибнуть в бою, чем лишиться ее. Сам автор внешне нейтрален и не встает ни на одну из этих точек зрения. Но мы знаем, что Н. Бараташвили в конечном итоге осознал и историческую необходимость и объективную прогрессивность присоединения Грузии к России и оправдал действия царя Ираклия II ("Могила царя Ираклия"). Поэма интересна и в плане укрепления реалистических тенденций в творчестве Н. Бараташвили: она исполнена историзма, в ней нет идеализации прошлого и открытого вмешательства автора в ход действия. Творчество Н. Бараташвили вообще подготавливало реализм в грузинской литературе, не случайно оно было открыто для читателей и поднято на чит именно реалистами-шестидесятиниками.

В 1840-1850-е гг. в общественно-экономической жизни Грузии происходят изменения: наступает кризис феодально-крепостнических порядков, усиливаются противоречия между крестьянами и помещиками, развивается буржуазия и буржуазные от-

перед родиной. К этому идеалу они и стремятся, его воспевают. Прогрессивные же романтики (Н. Бараташвили и др.) искали идеала в будущем, и выход они видели не в возврате к прошлому, а в борьбе, в движении вперед. В своих мечтах и думах они мучительно пытались найти пути к этому будущему, осознать перспективы движения – и не могли найти, поэтому и их поэзия наполнена грустью и печалью. Но направление поисков тут принципиально иное.

Романтики создали новый оригинальный поэтический стиль, новую образную систему, новые формы отображения жизни, значительно расширили круг тем, мотивов, настроений поэзии. В своеобразной форме, обусловленной их методом, они впервые поставили в литературе ряд актуальных проблем жизни – человек и среда, настоящее и прошлое, долг человека перед родиной и человечеством, сделали попытку философски осмыслить сущность человеческой жизни. Грузинские романтики главным образом выступали в жанре лирики, раскрывающей нам авторские переживания и думы. Своим интересом к внутреннему миру человека романтики подготовили психологизм будущей реалистической литературы.

Крупнейшими представителями грузинского романтизма были А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани и Н. Бараташвили.

Творчество Александра Чавчавадзе (1786–1846) представляет собой связующее звено между древней грузинской литературой и романтизмом. Высокообразованный человек, А. Чавчавадзе служил в русской армии, был генерал-лейтенантом, тем не менее он участвовал в нескольких дворянских выступлениях против российского самодержавия. Его дом в Тбилиси был своеобразным литературным салоном, где бывали А.С. Грибоедов, кстати, женатый на дочери поэта, возможно, А.С. Пушкин и др.

В творчестве А. Чавчавадзе переплетаются две струи: с одной стороны, в нем сильно влияние древнегрузинской словесности, с другой, в нем проявляются и некоторые романтические черты. Это особенно заметно в его любовной лирике, составляющей большую часть творческого наследия поэта. А. Чавчавадзе, как и средневековые поэты, воспекает чувственную, плотскую любовь, женскую красоту. Любовные переживания чаще всего передаются в традиционной форме старогрузинской лирики "му-

хамбази". Но эти восточные образы любовной лирики наполняются новым эмоциональным содержанием, в них встречается уже типично романтический мотив любви как высшего дара, через который человек только и может познать счастье. Такое же сочетание жанра восточной застольной песни с европейской анакреонтической поэзией заметно и в стихах А. Чавчавадзе, воспевавших радости и наслаждения жизнью ("Мухамбази" "За здравие всех нас, кутил...").

И в то же время рядом с этими анакреонтическими мотивами мы видим и стихи, исполненные скорби ("Кто узнать мою хочет участь") и представления о том, что вся жизнь человека — это лишь стезя горя и печали ("Человек в разные периоды жизни"). В своем наиболее резком стихотворении "Горе миру, где злодей владыка" А. Чавчавадзе доходит до отрицания существующих порядков, где господствует зло и угнетение.

Столь же противоречивы и патриотические стихи А. Чавчавадзе. В стихотворении "Озеро Гокча" поэт противопоставляет гнетущей современности величественные образы древней Грузии. В то же время в стихотворении "Кавказ", где даются прекрасные картины природы, поэт с надеждой взирает на будущее и предсказывает возвращение просвещения на родине.

Но все же в творчестве А. Чавчавадзе только намечены типичные для романтиков темы, образы, стиль. Дальнейшим развитием романтической поэзии явилось творчество Г. Орбелиани, окончательно отказавшегося от старой поэтической манеры.

Григол Орбелиани (1804—1883), как и А. Чавчавадзе, был офицером русской армии, участвовал в заговоре 1832 г., но позднее дослужился до высоких чинов и занимал ответственные посты на Кавказе. В молодости он был весьма радикально настроен, сочувствовал республиканским идеям, но в старости стал консерватором, который полемизировал с прогрессивной молодежью (спор "отцов и детей").

На протяжении всего творческого пути Г. Орбелиани особенно близка была тема патриотизма, бескорыстного служения родине, причем рядом с безотрадными картинами современной Грузии в его стихах обычны тоска по прошлому, романтические видения древней независимой Грузии и ее героев-патриотов (поэма "Задрозный тост, или Пир после Ериванской битвы", 1827—

ношения. Поэты-романтики не обращали внимания на эти изменения, на социальную сторону жизни, между тем возникла потребность в их отражении в литературе. На этой почве и зарождается в 1840-1850-е гг. новое направление - реализм, основоположником которого в Грузии стал Г. Эристави. Первые писатели-реалисты ставили своей целью показать остр�е с о ц и а л ь н ы е проблемы современности, раскрыть разложение дворянства и появление буржуазии. Для новой тематики требовались и новые жанры, в первую очередь прозаические и драматургические (комедия, социальный роман и др.).

Открывает новое направление в истории грузинской литературы Георгий Эристави (1811-1864). Он был и создателем грузинского театра (1850) и национальной драматургии. Г. Эристави начинал как поэт-романтик, но уже в конце 1830-х - начале 1840-х гг. утверждает на реалистических позициях и в своих комедиях ("Т я ж б а, и л и т о ч к а с з а п я т о й", 1840, "Р а з д е л", 1849, и др.) правдиво рисует разложение дворянства и всего крепостнического уклада жизни, появление "молодых" и, главное, развитие торгово-ростовщической буржуазии, которая постепенно оттирает дворянство на второй план и захватывает в свои руки ключевые позиции в обществе. Амириндо и Онофре из комедии "Тяжба", Андуканар и Павле из "Раздела" - это необразованные помещики, теряющие почву под ногами, ведущие паразитический образ жизни, лишенные каких-либо глубоких интересов, безнадежно отставшие от хода жизни. И в то же время они жестокие крепостники. Молодое поколение дворянства (Иванэ в "Разделе"), получившее европейское образование, уже не удовлетворяется их жизненными принципами. Но оно неприспособлено к жизни, его представители - чаще всего бесплодные мечтатели, закономерно терпящие неудачу в реальной действительности. Этим они коренным образом отличаются от энергичных деловых буржуа, вроде купца и ростовщика Микиртума Трдатова ("Раздел"), нажившего богатство и шаг за шагом укрепляющего свои позиции в обществе. Однако и представители буржуа не вызывают симпатии автора: он видит их алчность, корыстолюбие, преклонение перед золотом. Язвительно издевается Г. Эристави и над царскими чиновниками - взяточниками и крючкотворами (переводчик при суде Саркис,

который берет с Амириндо за переписку прошения столько червонцев, сколько в нем недостает точек и запятых). В комедиях Г. Эристави нет положительных героев, "однако вслед за Гоголем он мог бы сказать: положительный герой моих комедий — смех".^I

Рано умерший разночинец Даниэл Чонкадзе (1830—1860) вошел в историю грузинской литературы как автор только одного произведения — повести "С у р а м с к а я к р е п о с т ь" (1859—60), но зато это произведение сыграло важную роль в ее развитии: в нем Д. Чонкадзе впервые в грузинской литературе выступил против крепостничества, показал все ужасы крепостного рабства и протест крестьян. В повести две независимые друг от друга сюжетные линии — история жизни Дурмишхана, внебрачного сына князя, сумевшего — не без обмана — получить вольную и ставшего купцом, и судьба крестьянина Нодара, который, доведенный до крайности, убивает своего помещика и становится знаменитым янычаром, а позже купцом Осман-агой. Оба — жертвы крепостного права, хотя и жертвы разные. Помимо яркого показа физического угнетения крестьян (жуткие картины мучений Нодара и его матери, которых помещик вместо волов впряг в ярмо на гумне) в повести много места занимает тема морального воздействия крепостного права на людей: оно развращает как помещиков, превращая их в жестокосердных существ, лишенных человеческих качеств, так и крестьян (история Дурмишхана, который ради денег обманывает свою возлюбленную и предает своего благодетеля). Все это было новым в грузинской литературе. Но Г. Эристави и Д. Чонкадзе все же стоят лишь у начала критического реализма. Его дальнейшее развитие и окончательная победа относится уже к 1860—1870-м гг.

^I Д. М. Г а м е з а р д а ш в и л и. Становление критического реализма в грузинской литературе. Тбилиси, 1959, с. 120.

К середине XIX в. судьба Грузии оказалась уже неразрывно связанной с исторической судьбой всей Российской империи. И в Грузии происходят социальные сдвиги огромного значения: усиливается кризис феодально-крепостнической системы, сопровождавшийся резким обострением классовой борьбы между крестьянами и помещиками, на этой основе складывается революционная ситуация в стране, развиваются новые капиталистические отношения, заметен крах старых общественных представлений, на смену которым приходят новые. Как и в России, в Грузии происходит дифференциация в обществе — формируются два лагеря: реакционный, стоящий на позиции защиты существующего строя, и демократический, выступавший за его разрушение и защищавший прежде всего интересы крестьянства. Во главе грузинского демократического лагеря стояли так наз. "тергдалеули".^I Все они учились в переломные 60-е гг. в России, облизались там с русскими революционными демократами, с кругом "Современника", с Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым, испытали сильное влияние их идей и под их непосредственным воздействием сформировали свои взгляды, свое мировоззрение (И. Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Церетели, Н. Николадзе и др.). Некоторые из них принимали и личное участие в русском революционном движении 1860-х гг. Вернувшись в Грузию, тергдалеули стали пропагандистами на родине новых идей. Всех их объединяло органическое неприятие феодально-крепостнического строя и стремление заменить его новыми, более справедливыми и прогрессивными общественными отношениями, хотя у них и не было ясности в вопросе, каковы конкретно должны быть эти отношения. Социальная борьба для тергдалеули была неразрывно связана с борьбой национально-освободительной, с борьбой за национальное освобождение Грузии. По своему мировоззрению они были просветителями в том значении, в каком В.И. Ленин характеризовал как просветителей русских шестидесятников. В области философии тергдалеули утвердили на гру-

^I В буквальном переводе: "испившие воды Терека", т.е. люди, отправившиеся в Россию для получения образования и возвратившиеся оттуда с новыми взглядами и убеждениями.

зинской почве материализм, в области эстетики – материалистическую эстетику, в области литературы – критический реализм. Причем тергдалеули – прежде всего И. Чавчавадзе – и теоретически обосновали его принципы и постарались практически претворить их в жизнь в своем художественном творчестве.

Возвратившимся на родину тергдалеули пришлось повести ожесточенную борьбу с консерваторами в литературе и обществе. Эта борьба привела к первой обширной полемике в грузинской журналистике и общественной жизни. Началом ее послужила статья И. Чавчавадзе "Несколько слов по поводу перевода "Безумной" Козлова князем Ревазом Шалвовичем Эристави", опубликованная в 1861 г. в единственном в ту пору грузинском журнале "Цискари" ("Утренняя звезда"). В ней И. Чавчавадзе резко выступил против архаического, устарелого языка и стиля писателей романтического и сентиментального направления, а заодно и против самих этих направлений, базировавшихся на отсталых литературных принципах и далеких от реальной жизни, от ее социальных проблем. И. Чавчавадзе ратовал за создание нового литературного языка, близкого и понятного народу, за новую литературу, которая давала бы ответ на актуальные проблемы современной действительности. Первоначально полемика, получившая название спора "отцов и детей", ибо в ней, действительно, столкнулись старые реакционные силы с молодым прогрессивным поколением, касалась, в основном, вопросов языка, но постепенно она превратилась в широкую дискуссию по всем злободневным проблемам общественной и литературной жизни. Особенно ожесточенной стала полемика в 1863 г., когда выходил орган демократического лагеря – журнал И. Чавчавадзе "Сакартвелос моамбе" ("Вестник Грузии"). Она продолжалась и в начале 1870-х гг., когда появились направленное против молодого поколения стихотворение "Ответ детям" Г. Орбелиани и вслед за тем "Ответ на ответ" И. Чавчавадзе, в котором гневно осуждались старожеры.

Эта полемика способствовала окончательному утверждению в грузинской литературе критического реализма, который в 1860-е гг. становится ведущим направлением в ней.

Его утверждение и успехи прежде всего связаны с творчеством Ильи Чавчавадзе (1837–1907), чрезвычайно разносто-

ронного человека — общественного и политического деятеля, ученого, писателя, стоявшего во главе всей литературной и общественной жизни Грузии второй половины XIX в.

И. Чавчавадзе родился в семье помещика в Кварели, закончил Тбилисскую гимназию и с 1857 по 1861 г. учился на юридическом факультете Петербургского университета. Пребывание в Петербурге сыграло решающую роль в формировании мировоззрения И. Чавчавадзе. На него оказали огромное влияние революционная ситуация в России, русские революционеры-демократы, группировавшиеся вокруг журнала "Современник". И. Чавчавадзе стоял во главе кружка передовых грузинских студентов и участвовал в революционном студенческом движении. По возвращении в Грузию И. Чавчавадзе служил на различных должностях: был мировым посредником, судьей, руководителем банка, издавал журнал ("Сакартвелос моамбе") и газету ("Иверия"). Помимо литературной работы он много времени и внимания уделял общественной деятельности: был председателем Общества распространения грамотности среди грузин, Драматического общества и др. В 1906 г. И. Чавчавадзе был избран членом Государственного совета, где примкнул к академической группе. В 1907 г. он был убит.

И. Чавчавадзе явился создателем грузинской материалистической эстетики и в своих статьях первым в Грузии теоретически обосновал принципы критического реализма. И. Чавчавадзе, подобно русским революционерам-демократам, исходил из того, что литература и искусство есть отражение жизни и от писателя требуется верность реальной действительности, умение понять и объяснить ее. Вместе с тем литература и искусство должны служить народу, помочь делу социального и национального освобождения грузин. Художественные произведения призваны защищать интересы народа и должны быть ему понятными. Отсюда и требование народности литературы. Все эти принципы И. Чавчавадзе защищал и в своих критических статьях.

И. Чавчавадзе пришел в литературу еще в эпоху крепостного права (оно было отменено в Грузии в 1864—1871 гг.). В своем раннем творчестве он и выступал прежде всего как критик феодально-крепостнических порядков, основного зла

тогдашней жизни. В своих произведениях И. Чавчавадзе правдиво раскрывал всю гнусность и вредность крепостного права, его отрицательное воздействие на личность человека — как на крестьян, так и помещиков, и вместе с тем показывал его разложение. Писателя в первую очередь интересовали социальные проблемы грузинской действительности. Характернейшим конфликтом его ранних произведений является конфликт между помещиками и крестьянами.

Антикрепостнические взгляды писателя ярко проявились уже в его первой поэме "В и д е н и е" (1859, впоследствии перерабатывалась). В диалоге лирического героя поэмы со старцем, символизирующим Грузию, крепостное право подвергается суровой критике: помещик отнимает у крестьян плоды их труда, обрекает их на нищету, морально унижает их, не считая за людей. "Труд в этом мире находится в подневольном плену у грабежа". И автор выдвигает лозунг "освобождения труда", причем он убежден, что народ может добиться свободы лишь в борьбе, рассчитывая только на собственные силы.

Мрачную картину угнетения крепостных крестьян и вместе с тем их протеста И. Чавчавадзе рисует в поэме "Н е — с к о л ь к о к а р т и н , и л и с л у ч а й и з ж и з н и р а з б о й н и к а" (1860). Здесь конфликт крестьянина и помещика доведен до предельной остроты: крепостной Закро убивает помещика, который приказал зверски избить его отца лишь за то, что тот осмелился просить барина отпустить сына домой. Вслед за тем Закро присоединяется к благородному разбойнику Како, который грабит только богатых и тем самым, как ему кажется, утверждает справедливость на земле. Автор здесь оправдывает убийство помещика и с сочувствием рисует разбойников, этих выразителей народного протеста. Это был шаг огромной важности: И. Чавчавадзе здесь переходит на позиции крестьянства, поднимающегося на борьбу с социальной несправедливостью.

Еще более детальную и жуткую картину угнетения и унижения крестьян рисует И. Чавчавадзе в повести "Р а с с к а з н и щ е г о" (1859—62), где резко противопоставлены два лагерь — трудящихся и их угнетателей — помещиков. Власть над живыми людьми развила в княжеском сынке Датико животные инс-

тинкты, в особенности страсть сластолюбия. Ради нее он губит Тамро, возлюбленную своего слуги Габро, и ее семью. В конце концов Габро расправляется с Датико. В уста Габро автор вкладывает знаменательные слова о том, что между господами и крепостными — пропасть и через нее невозможно перекинуть мост.

Паразитическую жизнь помещиков, лишенную каких-либо духовных интересов, И. Чавчавадзе изображает в своей лучшей повести — "И з т о ч е л о в е к ?" (1859—63). В ней описывается жизнь князя Луарсаба Таткаридзе и его супруги Дареджан, которая носит совершенно животный характер: они только спят и едят, их развлечение — считать мух на потолке да сплетничать. Эти люди даже лишены сильных страстей. Они совершенно необразованы, не умеют вести хозяйства, и, тем не менее, они убеждены, что крепостное право — вечная священная социальная категория. Луарсаб и Дареджан Таткаридзе — типичное порождение крепостнической действительности, свидетельство того, что крепостное право уродует и самих помещиков. При их изображении И. Чавчавадзе широко прибегает к сатире.

Как мы уже указывали, в сознании тергдалеули социальная борьба была неразрывно связана с борьбой за национальное освобождение Грузии. Они болезненно переживали национальное угнетение грузин, русификаторскую политику царизма и в своих произведениях утверждали идеи патриотизма, идею беззаветной борьбы за свободу родины. Это один из основных мотивов лирики И. Чавчавадзе ("Горы Кварели", "Мать-грузинка", "Базалетское озеро", небольшая поэма "Мать и сын" и др.). Впрочем, в его лирике обычны и социальные мотивы (см. стихотворение "23 мая 1871 года" — отклик на Парижскую Коммуну).

Проблема взаимоотношения крестьян и помещиков продолжала волновать И. Чавчавадзе и после формального упразднения крепостного права. Эта проблема стала в центре его повести "В д о в а и з д о м а О т а р о в а" (1887). И здесь опять крестьяне противопоставлены помещикам: если вдова Отара отличается ярким и твердым характером, независимостью, любовью к справедливости, то образованные помещики Арчил и его сестра Кесо, наоборот, при всех своих положительных чертах личности бесцветные, незначительные; они осознают это и

сами (ср. их рассуждение о том, что крестьяне и помещики испечены из разного теста). Однако в этой повести взаимоотношения крестьян и помещиков все же в значительной мере даны сквозь призму романтической любви Георгия (сына Отаровой вдовы) к Кесо. Арчил уже мечтает о восстановлении моста через пропасть между двумя сословиями.

В основанной на народных легендах поэме "О т ш е л ь - н и к" (1883) противопоставляется два отношения к жизни: с одной стороны, аскетический, христианский взгляд на жизнь — отрицание ее как греховной и идея бегства от нее во имя спасения души (этот взгляд выражает монах-отшельник), с другой, принятие жизни, ее утверждение (девушка, которая оказывается в пещере отшельника). Побеждает земное начало.

Своим творчеством И. Чавчавадзе утверждал критический реализм, способствовал созданию нового грузинского литературного языка и выражению самых передовых идей своего времени в литературе.

Эти задачи И. Чавчавадзе выполнял не один. Рядом с ним в этом же направлении действовал и А. Церетели, один из самых любимых и популярных в Грузии поэтов, который уже при жизни стал общепризнанным классиком грузинской литературы.

Акакий Церетели (1840—1915) родился в с. Схвители в дворянской семье и, как это было принято у грузинских дворян, до 6 лет воспитывался у своей кормилицы-крестьянки. Впоследствии А. Церетели признавался: "Если во мне сохранилось что-либо хорошее и доброе, то это только благодаря тому, что я рос в деревне, в крестьянской семье, вместе с детьми крестьян". Позже А. Церетели учился в Кутаисской гимназии, где условия были ужасными: невежественные и жестокие учителя, телесные наказания, система доносов и шпионажа. Впоследствии писатель описал все это в своем автобиографическом произведении "Пережитое" (1894—99). В 1859—63 гг. А. Церетели занимался на восточном факультете Петербургского университета. Именно в эти годы, как и И. Чавчавадзе, под влиянием русских революционных демократов А. Церетели выработал свое мировоззрение, глубоко демократическое и исполненное искреннего свободолюбия, которому он остался верным на всю

жизнь. По возвращении на родину поэт не поступил на службу, а полностью посвятил себя литературе.

А. Церетели был многосторонним писателем. Он — опять же подобно И. Чавчавадзе — выступал в области поэзии, прозы, драматургии, публицистики, литературной критики. А. Церетели был убежденным сторонником реалистической эстетики и защищал принципы критического реализма и народности. Он считал литературу важнейшим средством борьбы за социальное и национальное освобождение народа и под этим углом зрения определял задачи и своего собственного творчества.

Наибольшее значение имеет поэтическое творчество А. Церетели, в особенности его лирика. Лирика А. Церетели очень разнообразна по темам, проблематике, настроениям, мотивам. "Главная н о в а т о р с к а я линия поэзии Акакия Церетели связана... с предельно простой, демократической, народной, чрезвычайно мелодичной, почти песенной формой, очень емкой вместе с тем и, подобно самой народной поэзии, заключающей в себе возможности и тончайшего лиризма, и экспрессивного лиро-эпического повествования, и легкого искрометного поэтического юмора, и беспощадной, едкой сатиры. Разговорность и напевность — вот основные черты этого нового, сугубо "церетелевского" поэтического стиля".^I О глубокой народности лирики А. Церетели свидетельствует тот факт, что многие его стихотворения стали популярнейшими народными песнями, которые известны ныне далеко за пределами Грузии ("Цицинатэла" — "Светлячок", 1871, "Сулико", 1895).

В обширной лирике А. Церетели можно выделить несколько ведущих проблемно-тематических комплексов.

Это, во-первых, его гражданская лирика. Творческий путь А. Церетели начался в период крепостничества. В своих ранних стихах он выступает как антикрепостнический поэт, правдиво рассказывающий о тяжелой доле крестьянина, о его угнетении, восхваляющий его нелегкий труд, всей душой сочувствующий его судьбе ("Трудовая песня", "Исповедь крестьянина" и др.). Показательно, что эти стихотворения написаны от лица крестья-

^I Г. М а р г в е л а ш в и л и. Акакий Церетели: Краткий очерк жизни и творчества. Тбилиси, 1960, с. 83-84.

нина, рисуют жизнь с его точки зрения. Симпатии поэта и далее неизменно оставались на стороне трудящихся, жизнь которых мало улучшилась после ликвидации крепостного права. Хотя А. Церетели и не понимал исторической роли пролетариата, тем не менее, он одним из первых в стихотворении "Рабочим" (1880) стал воспевать "гордось боевую" рабочих и выражал надежду на торжество их дела: не случайно их руки сжимают молот. Новый подъем гражданской лирики в творчестве А. Церетели относится к 1905 г. Он создает ряд восторженных гимнов революции, с огромным воодушевлением призывает народ свергнуть самодержавие ("Долой!", "Моя вера"). А. Церетели был переводчиком "Интернационала" на грузинский язык.

Второй проблемно-тематический комплекс поэзии А. Церетели — сатиры, в которых он язвительно бичует угнетателей народа: бездельников-дворян, мечтающих по-старому жить на счет крестьян, интеллигентную дворянскую молодежь, далекую от реальной жизни и любящую лишь звонкую фразу, новых буржуа, еще более опасных и сильных хищников, нежели разоряющееся дворянство, представителей духовенства и чиновничества.

Третий и, быть может, важнейший проблемно-тематический комплекс составляет патриотическая лирика А. Церетели, где находят выражение идеи национально-освободительной борьбы. Беззаветная любовь к родине была едва ли не основным стимулом всей поэтической деятельности А. Церетели. Причем поэт не просто прославляет родину, говорит о своей любви к ней. Он неизменно призывает людей к борьбе за ее освобождение, зовет к активности. Родину А. Церетели изображает то в образе прикованного к горам Кавказа богатыря Амирани, которому ворон терзает сердце, но убить не может ("Амирани"), то в образе больной, спящей в летаргическом сне ("Больной"), то в виде прекрасной пленной царевны, для освобождения которой поэт ищет героев, истинных рыцарей. Поэт настроен оптимистически — верит в грядущую победу народа, в освобождение родины, хотя истинные пути к этому и были поэту неясны. Характерно, что патриотическая лирика А. Церетели неразрывно связана с любовной: поэт как бы создает двуединный образ возлюбленной-родины.

С патриотической проблематикой, с идеями национально-ос-

вободительной борьбы грузин связано и большинство поэм А. Церетели, а также многие его прозаические и драматические произведения. В них он обычно обращается к героическому прошлому грузинского народа. Рисуя картин героической борьбы древних грузин с врагами отчизны, поэт хочет воодушевить современников на борьбу, пробудить в них чувство национального самосознания, веру в собственные силы. В поэме "Т о р н и - к е Э р и с т а в и" (1884) А. Церетели создает образ горячего патриота грузинского военачальника X в., который всю жизнь посвятил служению родине и, удалившись на старости в монастырь, тотчас покидает его, когда этого требуют интересы родины. В поэме "Н а т э л а" (1900) описываются события начала XIII в., когда Восточная Грузия была захвачена монголами. Натэла — идеальный образ грузинки, сочетающей внешнюю красоту, богатство души с патриотизмом. Многие ищут ее руки. Но она может полюбить лишь мужественного защитника родины, который убьет не менее 120 врагов и окрасит их кровью свою белую чоху. Таким героем оказывается Цотне, один из руководителей антимонгольского заговора. Ему Натэла и отдает свою руку и сердце и проявляет редкую смелость, спасая мужа из заключения у монголов.

Такие же образы горячих патриотов, готовых отдать жизнь ради интересов родины, А. Церетели рисует и в своих исторических повестях ("Баши-Ачуки", 1895-96) и драмах ("Патара Кахи" — "Маленький кахетинец", 1889; "маленький кахетинец" — прозвище царя Ираклия). Обращаясь к истории, А. Церетели ни в коей мере не звал к возврату к прошлому; в нем он лишь черпал материал для современности, для пути к будущему.

Многогранное творчество А. Церетели способствовало утверждению реализма прежде всего в поэзии. Вместе с тем, наряду с И. Чавчавадзе, А. Церетели сыграл важную роль и в формировании нового грузинского литературного языка, близкого к народному.

В 1870-е гг., в связи с дальнейшим развитием капитализма, ситуация в Грузии несколько меняется. Тергдалеули были едины в своем отрицании феодально-крепостнических порядков, но в вопросе о дальнейшем развитии Грузии такого единства не

было. В 1877 г. создается группа "Меоре-даси"* во главе с Г. Церетели и Н. Николадзе. Группа стояла за капиталистическое развитие Грузии, за развитие экономики, финансов, кредита, железных дорог, видя в этом залог национального возрождения страны. Вместе с тем сторонники Меоре-даси выступали за буржуазно-демократические преобразования, за республику, и в какой-то мере испытали влияние идей утопического социализма.

Один из руководителей Меоре-даси Георгий Церетели (1842-1900) был и видным писателем. Как и другие шестидесятники, Г. Церетели был очень разносторонним человеком — общественным деятелем, публицистом, журналистом, археологом, историком, натуралистом, беллетристом, поэтом, драматургом. Но все же основным его призванием в области художественного творчества была проза. В своих произведениях Г. Церетели раскрыл процесс капитализации Грузии вместе с сопутствующими ему процессами разложения дворянства и роста буржуазии. В рассказах "Тетушка Аснат" (1888) и "Серый волк" (1892) Г. Церетели рисует деградацию имеретинского дворянства, раздоры и передраги в его среде, полный отказ от старой дворянской морали и древних рыцарских добродетелей. Для дворян нового времени не существует ничего святого: в погоне за деньгами они рвут родственные связи, идут на открытый обман, подлог, оговоры друг друга. В романах "Гулкан" (частично 1868, полностью опубликован лишь в 1929 г.) и "Первый шаг" (1890-91) изображается не только процесс оскудения дворянства, но и роста буржуазии, которая захватывает у помещиков их позиции одну за другой, забирает в свои руки их имения, землю. Вместе с тем феодалы не сдают своих позиций без борьбы. Она раскрыта в романе "Первый шаг" через столкновение утверждающегося под солнцем капиталиста Бахва Пулавы с аморальным дворянином Иеремией Царба. В этом романе дается широкое социальное полотно капитализирующейся Грузии, показаны те изменения, которые происходят в душах людей под влиянием сложных общественных процессов.

* "Меоре-даси" в переводе значит "Вторая группа" ("Первая группа" — "Пирвели-даси" это тергдалеули, шестидесятники).

Г р у з и н с к а я л и т е р а т у р а 1880-х гг.

В 1880-е гг. процессы, наметившиеся еще в два предыдущих десятилетия, получают дальнейшее развитие: Грузия быстро идет по капиталистическому пути, в деревне усиливается дифференциация крестьянства, происходит его социальное расслоение. Еще в 1870-е гг. под влиянием русских народников появляется грузинское народничество, отрицавшее капиталистический путь развития и ориентировавшееся в своей борьбе на крестьянство, крестьянскую общину.

Грузинское народничество создает и свою литературу (А. Пурцеладзе, Н. Ломоури, Е. Габашивили, С. Мгалоблишвили и др.). В центре произведений писателей-народников — жизнь деревни, крестьянства. Они рисовали исключительно тяжелое положение крестьян, их бесправие, нищету, угнетение. Особое внимание писатели обращали на бытующие в крестьянской среде суеверия и предрассудки как следствие невежества крестьян (рассказы Н. Ломоури "Русалка" и "Каджана", С. Мгалоблишвили "Мать Майя" и др.). Писатели-народники видели, что положение крестьян после реформ 1860-х гг. не улучшилось: рядом со старыми угнетателями — помещиками — появляются новые, еще более коварные и жестокие — ростовщики, сельские богатеи (Иваника в "Романе в Дидихеви" Е. Габашивили). В их произведениях люди труда неизменно противопоставляются дворянству и нарождающейся буржуазии. Только у крестьян сохранилась настоящая любовь, искренние и благородные чувства. Для произведений писателей-народников характерен и образ передового интеллигента, идущего в народ, чтобы оказать ему помощь (ряд рассказов А. Пурцеладзе и Е. Габашивили). По своим эстетическим воззрениям народники были сторонниками реализма, но в своей художественной практике они нередко склонялись к натурализму, к голой фиксации фактов, не обращали особого внимания на форму литературных произведений. Их любимым жанром был рассказ очеркового типа, написанный народным языком, с широким употреблением диалога. Все же народники не выдвинули из своей среды крупных писателей-классиков.

Литературную жизнь Грузии 1880-х гг. определяли не только произведения авторов-народников. В эти годы продолжалась литературная деятельность И. Чавчавадзе, А. Церетели и дру-

гих тергдалеули, обращавших особое внимание на проблемы национальной борьбы (этой проблематике не были чужды и писатели-народники). Действовала группа "Меоре-даси"; Г. Церетели создал свои лучшие произведения.

Наконец, на 1880-е гг. падает творчество двух замечательных классиков - А. Казбеги и Важа-Пшавелы, достойных продолжателей традиций грузинских шестидесятников, развивавших дальше реализм и гуманистические идеи тергдалеули. В отличие от писателей-народников, которых прежде всего интересовала внешняя "материальная" сторона жизни и для которых характерен утилитарный подход к художественному творчеству, А. Казбеги и Важа-Пшавела выражали духовные, нравственные искания людей, их внутренний мир в его сложных взаимоотношениях с окружающим; этих писателей волновали этические, моральные проблемы. Оба они были выходцами из горного севера Грузии. В своих произведениях А. Казбеги и Важа Пшавела чаще всего изображали жизнь горцев - грузинских племен мохевцев, пшавов и хевсуров, обитавших высоко в горах Кавказа. У горцев еще сохранились остатки старинных патриархальных порядков, остатки горской общины ("теми") с ее своеобразной демократией. Однако А. Казбеги и Важа Пшавела ни в коей мере не были только певцами жизни горцев. Проблемы, их волновавшие, были актуальны и важны для всей Грузии, у горцев они проявлялись лишь отчетливее и резче; более того - эти проблемы зачастую носили всеобщий "мировой" характер и отражали сложные противоречия современной цивилизации вообще.

Александр Казбеги (1848-1893) был единственным сыном правителя горского округа Грузии, вырос в горах, получил неплохое образование, некоторое время учился в Москве, в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. Вернувшись в 1870 г. домой, А. Казбеги отказывается от положения помещика и становится простым пастухом. Семь лет он ходил со стадом по горам Кавказа и досконально изучил жизнь горцев, их мироощущение, фольклор. В 1879 г. А. Казбеги переехал в Тбилиси и стал актером. На 1880-1885 гг. падает основной период его творчества, когда он создает все лучшие свои произведения - повести "Элгуджа" (1881), "Отцеубийца" (1882), "Хевисбери Гоча" (1884), "Пастырь" (1885) и др. Непосильный

труд, полуголодное существование, преследования цензуры по-
дорвали здоровье писателя, он заболел психически и умер в
нищете, пробыв несколько лет в больнице для душевнобольных.

В своих произведениях А. Казбеги обычно описывает жизнь
горцев родной области Хевии. Чаще всего он рисует их жизнь
того времени, когда в Хевии еще главенствовала община-теми.
Патриархально-общинный демократизм, традиции и мораль горцев
вызывают искренние симпатии автора. Община для героев А. Каз-
беги — непререкаемый авторитет. Однако писатель не закрывает
глаза на то, что в общине возникают болезненные конфликты
между личностью и законами теми. На их основе А. Казбеги и
пытается решать особенно волновавшие его проблемы личной
свободы и счастья человека.

В то же время писатель прекрасно видит, что под влияни-
ем новой жизни, в условиях царистского гнета и все более
развивающегося капитализма, теми распадается, усиливается
процесс внутренней дифференциации горцев. Это опять же очень
болезненные процессы. В совокупности с противоречиями перво-
го рода они и обуславливают трагический характер судьбы ге-
роев А. Казбеги, которые, как правило, гибнут в неравной
борьбе.

Новаторство А. Казбеги проявляется в том, что он по-но-
вому рисует традиционный для грузинской демократической ли-
тературы образ "маленького человека". Его герои совсем не
"маленькие люди". Это цельные яркие натуры, мужественные, на-
деленные сильными страстями. Они до конца сохраняют величие
духа и погибают внутренне несломленными. Герои-горцы — чест-
ные, благородные, свободолюбивые люди, исполненные высоких
моральных качеств и героизма. Ради интересов родины, ради
свободы, любви или дружбы они готовы пожертвовать всем. Гор-
цев с их положительными качествами А. Казбеги противопостав-
ляет грузинам "из долины", которые смирились с рабством, и
русским чиновникам. Однако и среди горцев появляются люди,
которые стремятся к личному обогащению и пренебрегают инте-
ресами общины. Их А. Казбеги рисует исключительно черными
красками как изменников, худших врагов народа.

А. Казбеги подверг в своих произведениях резкой критике
феодально-крепостнической строй царской России, аморальность

и низость русских чиновников.

Движущей силой сюжета произведений А. Казбеги, как правило, является любовь. Любовь — это достояние только благородных душ. Это стихийное всепоглощающее чувство, которое полностью подчиняет себе человека. Любовь может воодушевить человека на великие подвиги (Иаго в "Отцеубийце"), но она может прийти в столкновение с законами общины и тогда приводит к трагическим последствиям (Онисе в "Хевисбери Гоча").

Все произведения А. Казбеги органически связаны с горским фольклором. Очень важное место в них занимает пейзаж. Наряду с Важа Пшавелой, А. Казбеги был одним из самых блестящих мастеров изображения природы, которая выступает в его произведениях как живое существо, глубоко проникающее во внутренний мир героев, сопутствующее движению их чувств.

А. Казбеги был великолепным психологом, который умел прекрасно рисовать тончайшие оттенки человеческих переживаний, в особенности любовных. Его произведения отличаются четкой композицией. Сюжет развивается стремительно и изобилует острыми драматическими ситуациями.

Художественный метод А. Казбеги в целом реалистичен, но в нем заметна романтическая струя. Она проявляется в романтической приподнятости положительных героев, в которых автор воплощает свою мечту об идеальном человеке, в резком противопоставлении им персонажей отрицательных, рисуемых лишь черными красками.

Важа Пшавела (= Муж пшавский; 1861-1915) — псевдоним Луки Разикашвили. Он родился в горах Пшавии в семье сельского священника, закончил Горийскую учительскую семинарию, некоторое время работал учителем в деревне, но из-за конфликтов с сельским начальством вынужден был оставить педагогическую деятельность. Важа Пшавела стал крестьянствовать в родном селе Чаргали: пахал землю, пас стадо, охотился. Так он и прожил до конца жизни.

Литературное наследие Важа Пшавелы велико: он написал 36 поэм, около 400 стихотворений, 3 тома рассказов и пьес, много очерков о жизни горцев. Но прежде всего Важа Пшавела — поэт, причем поэт эпический.

Поэзия Важа Пшавелы теснейшим образом связана с фольк-

лором и мифологией грузинских горцев, даже, пожалуй, шире — с их своеобразным мировосприятием. Он не просто широко использовал пшавские легенды и предания в сюжетах своих произведений — можно говорить о мифологических корнях его творчества. Отсюда проистекает и особого рода художественный антропоморфизм поэта. Вместе с тем Важа Пшавела рисовал этнографически точные картины жизни горцев и, главное, умел на локальном и порою архаическом горском материале ставить и разрешать важные современные проблемы: человек и общество, человек и природа, проблема долга человека перед другими людьми, перед народом. В поэзии Важа Пшавелы органически сливается идеальное, романтическое, возвышенное с жизненно-реальным, причем первое вытекает из второго, является его органической частью. Пафос его творчества определяют три начала: героическое, трагическое, гуманистическое.

Тематика произведений Важа Пшавелы — жизнь горских племен пшавов и хевсуров. Как и А. Казбеги, Важа Пшавела воспекает древние обычаи горцев, их духовную чистоту, явно противопоставляя их образ жизни и высокие человеческие качества новым буржуазным порядкам. Однако он видит в укладе жизни горцев и много отсталого, для него неприемлемого. Наиболее распространенный конфликт поэм Важа Пшавелы — столкновение личности с обычаями и законами общины. Законы общины суровы и требуют кары человеку, осмелившемуся их нарушить. Важа Пшавела как бы стоит на распутье: правы и виноваты и те, и другие — как человек, стремящийся к свободе и счастью, так и община. Симпатии автора, пожалуй, чаще на стороне личности, выступающей против отживших законов общины, за гуманные отношения между людьми. Таков главный герой поэмы "А л у д а К е т е л а у р и" (1888), который восхищен мужеством убитого им врага и отказывается отрубить кисть его правой руки и забрать его оружие, как этого требовали обычаи общины. Алуда Кетелаури мечтает о каких-то других, более справедливых и добрых отношениях между людьми, чем те, что господствуют в общине. За нарушение законов общины героя жестоко наказывают — подвергают ostracismu. Таков же и кистин Джохола, главный герой поэмы Важа Пшавелы "Г о с т ь и х о з я и н" (1893), который защищает своего гостя хевсура Звиадаури от односель-

чан, следуя гуманному закону гостеприимства, хотя тот и противоречит другому правилу общины - закону кровной мести. В замечательной философской поэме "З м е е е д" ("Гвелис мчамели", 1901) гибнет мудрец Миндия, убеждение которого приходят в столкновение с косной средой и с требованиями семьи, повседневной обиденной жизни. В образ Миндии Важа Пшавела вложил и немало личного, немало от собственных размышлений об обязанностях поэта, о его долге перед людьми.

При жизни поэта да нередко и позже идейную суть его поэм видели в осуждении тех или иных горских обычаев, в возвеличении рыцарских добродетелей горцев. За этим, однако, стоит нечто более широкое - столкновение личности и общества, глубоко затрагивающее обе конфликтующие стороны. Но даже и эта интерпретация "сужает диапазон творчества Важа Пшавелы, лишая его самого главного - психологическо-философской значимости. Настоящий конфликт поэм гораздо шире - это столкновение человеческой воли, человеческих морально-этических представлений и норм поведения с реальными закономерностями жизни, навязывающими человеку свою волю и власть".^I Конфликт произведений Важа Пшавелы может быть внешне элементарен, но за ним скрывается вечное общечеловеческое начало, некое философское обобщение.

Важное место в творчестве Важа Пшавелы занимает и патриотическая тематика. В поэме "Б а х т р и о н и" (1892) на историческом материале - борьбе горцев против иранских поработителей в XVII в. - показан патриотизм народа. Герои поэмы пастух Квирия, прекрасная девушка Лела, военачальник Лухуми готовы пожертвовать жизнью во имя родины. При этом борцами за освобождение отчизны у Важа Пшавелы выступают простые люди из народа, народ сам решает судьбу родины.

Органическим элементом всех произведений Важа Пшавелы является природа, Кавказские горы.

Важа Пшавела широко вводил в язык своих произведений пшавский диалект.

^I Н. Натадзе. Важа Пшавела. Краткий литературно-критический очерк. Тбилиси, 1966, с. 19.

Г р у з и н с к а я л и т е р а т у р а к о н ц а Х I X - н а ч а л а Х X в.

В конце прошлого столетия в экономической и общественной жизни Грузии произошли глубокие изменения, связанные с развитием промышленности и капитализацией страны. На арену общественной жизни вступает пролетариат, начинается рабочее движение. Это подготовило почву для распространения в Грузии идей марксизма. В 1893 г. создается первая социал-демократическая организация "Месаме-даси" ("Третья группа"), в которой позже выделяется революционное крыло (Л. Кецохели, И. Джугашвили-Сталин, А. Цулукидзе). Идеи социализма к концу 1890-х гг. проникают и в рабочую массу, и в начале XX в. Грузия превращается в один из важнейших центров революционного движения в Российской империи. В деревне также утвердились буржуазные отношения, что привело к обострению социальных противоречий между беднейшим крестьянством и эксплуататорскими классами. Литература, естественно, не могла не отразить этих новых процессов в жизни. В ней продолжается развитие критического реализма, который все более глубоко отражает противоречия жизни, социальные сдвиги в ней и еще более резко обличает несправедливость существующих порядков.

Новый период в истории грузинской литературы открывает Эгнате Ниношвили (псевдоним Э. Ингороквы, 1859-1894), человек нелегкой судьбы. Сын бедного крестьянина, он с малых лет начал свой трудовой путь. В поисках работы Э. Ниношвили вынужден был часто переезжать с места на место, сменил много профессий: был учителем, телефонистом, наборщиком в типографии, грузчиком в порту, рабочим на нефтеперегонном заводе в Батуми, позже работал на марганцевых промыслах, где окончательно загубил свое здоровье. В конце жизни Э. Ниношвили переезжает в Тбилиси, здесь сближается с рабочими кружками, в один из которых входил и М. Горький, знакомится с марксизмом и становится одним из организаторов и активным участником "Месаме-даси". Однако силы писателя были уже подорваны туберкулезом, и вскоре он умер в нищете в родной деревне.

Первым художественным произведением Э. Ниношвили был исторический роман "В о с с т а н и е в Г у р и и" (1888-1889), в котором описана борьба гурийских крестьян против

феодалного и национального гнета в 1841 г. В этом романе заметно еще влияние народничества.

Все остальные произведения Э. Ниношвили посвящены современности. В них он рисует главным образом грузинскую деревню: описывает неимоверно тяжелую жизнь крестьянства, его классовую дифференциацию, новые формы социальных противоречий, нарастание протеста в крестьянской среде. Одновременно Э. Ниношвили рисует деградацию дворянства, хищническую сущность сельской буржуазии. Через все его произведения красной нитью проходит мысль, что существующий общественный порядок несправедлив и должен быть коренным образом изменен.

Для произведений Э. Ниношвили характерно драматическое заострение действия и трагические финалы. Рассказ "Г о - г и я У и ш в и л и" (1890) рисует мрачную картину гибели бедного крестьянина и его семьи — жертв общественной несправедливости, которую в данном случае воплощает царская власть. В рассказе "П а л и а с т о м с к о е о з е р о" (1891) крестьяне-плотогоны отец и сын Иван и Нико, правда, становятся жертвой разбушевавшейся стихии, но и их гибель на озере в бурю в конечном итоге обусловлена социальными причинами.

В повести "С и м о н а" (1892) показано классовое расслоение крестьянства и протест бедняков. В повести сталкиваются сельский богатей, купец и ростовщик Давид Дроидзе и честный, прямой, мужественный крестьянин Симона Дзаладзе. Давид незаконно сажает Симона в тюрьму, его сын обесчестил жену Симона. Дзаладзе мстит своему обидчику, убивает его сыновей, сжигает его дом, сам же становится разбойником и в конце концов погибает. Классовые противоречия грузинской деревни здесь раскрыты с потрясающей силой. Конечным разорением Давида и гибелью его потомства писатель хотел показать, что царство буржуазии не вечно.

Безжалостная критика деградирующего грузинского дворянства дана в повести "Р ы ц а р ь н а ш е й с т р а н ы" (1894), где опять сталкиваются два героя, воплощающих разные социальные силы: безразличный дворянин, откровенный тунеядец Тариэл Мклавадзе, вся жизнь которого протекает в кутежах, дебошах, чувственных наслаждениях, и честный

труженик, сельский учитель Спиридон Мциришвили. Конфликт и здесь заканчивается трагически: Таризл зверски избивает Спиридона, разрушает его семейное счастье, но в финале Спиридон расправляется с "рыцарем нашей страны", как иронически именует писатель Таризла Мклавадзе. Жертвой дворян особенно часто становятся крестьянские девушки (повесть "Кристинз", 1893).

В конце жизни Э. Ниношвили начал писать рассказ о жизни батумских рабочих ("Приют рабочих"), но не успел его завершить.

Линию "классического" грузинского критического реализма XIX в. в известной мере завершает творчество выдающегося мастера прозы Давида Клдиашвили (1862-1931), который свои лучшие произведения создал в 1890-е гг. В своем творчестве он увековечил один немаловажный процесс в грузинской общественной жизни того времени - процесс постепенного оскудения и деградации грузинского дворянства. В социально-психологических рассказах и повестях Д. Клдиашвили с тонким юмором и с глубоким проникновением во внутренний мир героев обрисован материальный упадок и духовное и моральное разложение мелкопоместного, быстро бедневшего грузинского дворянства, у которого от славного прошлого осталось только сословное высокомерие и кичливость, находящиеся в вопиющем противоречии с их реальным положением. Эти "осенние дворяне", как с насмешкой называли их простые люди, обречены на гибель, их время прошло. Впрочем, и идущие им на смену алчные и пронырливые буржуа не вызывают ни малейшей симпатии автора.

Главный герой рассказа Д. Клдиашвили "С о л о м о н М о р б е л а д з е" (1894) - обедневший дворянин - живет на деньги за сватовство, устраивая сомнительные свадебные дела, но и тут его ждут неудачи. В этом рассказе писатель еще мягко относится к своему герою. Иное отношение мы видим в повести "М а ч е х а С а м а н и ш в и л и" (1897). Герой ее Платон Саманишвили живет сравнительно безбедно и, главное, надеется получить наследство, поскольку он единственный сын небогатого овдовевшего дворянина Бекины. Однако отец задумал вновь жениться, и если у него от нового брака появятся дети, это грозит большими неприятностями для Плато-

на. Чтобы обеспечить себя, он решает сам расыскать для отца невесту – вдову, которая уже дважды была замужем и ни в одном браке не имела детей. С большим трудом Платону это удастся, но к его ужасу мачеха рождает сына. Он всей душой ненавидит мачеху и ее ребенка и пытается даже их убить. Деньги и собственность делают людей жестокими, несправедливыми, даже преступниками. Процесс материального оскудения дворянства и связанные с этим морально-этические коллизии нашли отражение и в наиболее крупном произведении Д. Клдиашвили – в повести "Не в з г о д ы К а м у ш а д з е" (1897), где жизнь "осенних дворян" раскрыта как бы глазами человека из другого мира – горожанки Сони, которая вышла замуж за разорившегося помещика Отиу Камушадзе. Произведения Д. Клдиашвили обычно строятся на диалогах, мастерски отделанных.

Этот драматический элемент в рассказах и повестях Д. Клдиашвили закономерно привел писателя к драматургии. В своих пьесах ("Счастье Ирины", 1897, "Тяготы Дариспана", 1903) он обычно обращается к тому же кругу тем, проблем и образов, что и в своей прозе. Это произведения о деградирующем дворянстве.

К линии критического реализма примыкает и творчество В. Барнова и Ш. Арагвиспирели. Прозаик Василий Барнов (Барнови, 1856–1934) рисовал в своих произведениях новую общественную силу – городскую и сельскую буржуазию (рассказы "Торжество змеи", "Невеста Тебера"), причем не скрывал своего отрицательного отношения к ней. Особенно интересны его исторические романы, написанные ритмизованной прозой, тонко имитирующие древний стиль; таким образом автор стремится передать колорит прошлого. Правда, на его романах лежит отпечаток идеалистических религиозных представлений автора. Шио Арагвиспирели (Ш. Дедабришвили, 1867–1926) был одним из создателей жанра психологической новеллы в грузинской литературе. В своих новеллах он обличает буржуазные нравы, рисует трагедию людей, раздавленных или изуродованных капиталистическим строем ("Шелковый платок"). Одна из лучших новелл Ш. Арагвиспирели – "Земля", где с исключительной силой показана любовь простого человека из народа к родине.

Резкое обострение классовой общественной борьбы в

стране в начале XX в., которое привело к революции 1905—07 гг., вызвало существенные изменения в литературе. Отметим, что размах революционного движения в Грузии в 1905—1907 гг., руководимого социал-демократами, был исключительно велик. На литературную арену впервые приходят пролетарские авторы, развивается марксистская литературная критика (А. Пулукидзе), и в произведениях грузинских писателей входит тема пролетариата и рабочего движения. Некоторые писатели стремятся освещать жизнь с точки зрения идей социализма. Революционный подъем начала века, стремление выразить пафос борьбы со старым миром и мечты о создании нового мира закономерно вызвали к жизни в грузинской литературе, как и во многих других литературах нашей страны, романтическую струю. Этот революционный романтизм не противоречил реализму, а скорее дополнял его, создавая своеобразный синтез романтических и реалистических элементов.

Одним из первых выразил в поэзии пафос революционной борьбы пролетариата Иродион Евдошвили (Хоситашвили, 1873—1916), певец 1905 года, активным участником революционных событий которого он был. И. Евдошвили видел задачу своей поэзии не только в том, чтобы показывать жизнь рабочих, но и поднимать их на борьбу за свободу, за уничтожение существующего несправедливого общественного строя (программное стихотворение "Рабочий и муза"). Именно поэтому он в своих стихах не просто рассказывал о тяжелой доле трудящихся, об их угнетении в нищете, но и раскрывал рост классового самосознания рабочих, показывал, что пролетариат — создатель всех ценностей на земле и он должен стать хозяином этих ценностей. И. Евдошвили развивался вместе с грузинским пролетариатом. В стихах, написанных в преддверии и во время революции 1905—07 гг., поэт прямо призывал рабочих к восстанию, воспевал революционную борьбу, обличал врагов революции ("Друзьям", "На могиле героя", "Песня борьбы" и др.). Многие стихи И. Евдошвили стали популярными революционными песнями. Он был автором грузинского варианта "Марсельезы". За участие в революционном движении И. Евдошвили был сослан в Сольвычегодск, где тяжело заболел и умер вскоре после возвращения на родину. В последних

его стихах уже преобладают грустные пессимистические мотивы ("Разбитая лира"). Поэтический стиль И. Евдошвили отличается ясностью, простотой, для него характерны призывные ораторские интонации, часты лозунги.

По пути И. Евдошвили пошли и другие писатели так называемого "демократического направления". Талантливый поэт Ной Чхиквадзе (1883—1920) в своих ранних произведениях воспевал жизнь и борьбу народа, рабочего класса (стихотворение "Кузнец"). Но в годы реакции, после поражения революции 1905—07 гг., и в его лирике усилились мотивы безнадежности, усталости, разочарования, поэзия его приобретает грустный меланхолический характер. Эти же настроения характерны для творчества новеллиста Чолы Ломтатидзе (1879—1915), прошедшего много лет в тюрьме за революционную деятельность. В его новеллах и рассказах, нередко носящих мемуарно-автобиографический характер, обычно изображается жизнь, думы, чувства заключенного, причем его герой исполнен глубокого разочарования, раздвоен, углублен в самого себя и жестоко страдает (повесть "В тюрьме").

После революции 1905 г. в грузинской литературе появляются и модернистские течения, прежде всего символизм. Их появление связано с мироощущением буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции в мрачный период реакции, но вместе с тем в этом сказалось и стремление к обновлению литературы, к преодолению, как казалось модернистам, "устаревшего" реализма. Влияние модернизма испытал ряд молодых поэтов, многие из которых позже преодолели это влияние и стали видными деятелями советской грузинской литературы (Г. Табидзе, И. Гришашвили, С. Шаншашвили, Г. Леонидзе и др.). В 1915 г. возникла символистская группировка "Голубые роги", издававшая одноименный альманах. Голуборожцы (П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили и др.) отрицали реализм, считали, что искусство должно отражать вечное и бесконечное, причем средством воспроизведения его является слово-символ, выражающее иррациональное — основное в мироздании — начало. Этот мир ирреальности познается поэтами интуитивно, неосознанно. Голуборожцы во многом опирались на опыт русского и французского символизма. Они способствовали обновлению грузинской поэтической культуры.

Не прекращалась и деятельность писателей — представителей критического реализма. Среди них особо следует выделить Нико Лордкипанидзе (1880—1944), который, правда, тоже испытал влияние модернизма. Н. Лордкипанидзе — мастер малой формы, его прозаические миниатюры, рассказы и повести написаны в несколько импрессионистической лирической манере, их характеризует сжатый лаконичный стиль, изобилующий паузами, умолчаниями, разрывами в речи и в развитии сюжета. Огромный по размеру материал он умел "концентрировать" в несколько страниц, выделяя лишь главное (рассказ "Женщина в платке"). Для прозы Н. Лордкипанидзе характерен глубокий психологизм, который, однако, не исключает социального момента, внешний и внутренний драматизм действия. Н. Лордкипанидзе рисовал и современность, и прошлое Грузии. В повести "Ради очага" (1914) нарисована мрачная картина современной грузинской деревни, а в серии новелл "Разоренные гнезда" (1916) — разорения, деградации дворянства. В исторических повестях "Грозный властелин" (1912) и "Лихолетье" (1914—19) дана яркая картина феодальных порядков древней Грузии с их жестокостью, феодальными раздорами, разорительными войнами. Н. Лордкипанидзе продолжал успешно выступать и в советскую эпоху.

Библиография

- Антология грузинской поэзии. М., 1958.
 Грузинская литература XIX в.: Хрестоматия. Ч. I. Тбилиси, 1979.
 Грузинская проза: В 3 т. М., 1955.
 Грузинские повести XIX в. Тбилиси, 1964.
 Грузинские романтики. Л., 1978 [Большая серия "Библиотеки поэта"].
 Ч а в ч а в а д з е А. Стихотворения. Тбилиси, 1957.
 Б а р а т а ш в и л и Н. Лирика и поэма "Судьба Грузии". М., 1967; Стихотворения, поэма, письма. Тбилиси, 1968; Судьба Грузии. М., 1983 (есть и другие издания).
 Ч о н к а д з е Д. Сурамская крепость. М., 1961.
 Ч а в ч а в а д з е И. Сочинения: В 2 т. М., 1960; Собрание сочинений: В 2 т. Тбилиси, 1978.

- Ц е р е т е л и А. Избранные произведения. Тбилиси, 1960; Стихотворения и поэмы. Л., 1963 [Малая серия "Библиотеки поэта"].
- К а з б е г и А. Избранные произведения: В 2 т. Тбилиси, 1957.
- В а ж а П ш а в е л а. Сочинения: В 2 т. М., 1958; Избранные произведения: В 2 т. Тбилиси, 1961; Стихотворения и поэмы. М., 1985.
- Н и н о ш в и л и Э. Сочинения: В 2 т. Тбилиси, 1950; Сочинения. М., 1954.
- К л д и а ш в и л и Д. Сочинения: В 2 т. Тбилиси, 1950-1952; Избранное. Тбилиси, 1979.
- Т ო ნ კ ხ ა დ ზ ე D. Surami kindlus. Tln., 1968.
- ტ ო ა ვ ტ ო ა ვ ა დ ზ ე I. On ta inimene? Tln., 1955.
- Т в е р е т е л и А. Lapsepõlv. Tln., 1964.
- * * *
- Б а р а м и д з е А., Р а д и а н и Ш., Ж г е н т и Б. История грузинской литературы. Тбилиси, 1958.
- Б а р а м и д з е А. Г., Г а м е з а р д а ш в и л и Д. М. Грузинская литература. Тбилиси, 1968.
- Г а м е з а р д а ш в и л и Д. М. Становление критического реализма в грузинской литературе. Тбилиси, 1959.
- Г о л ь ц е в В. Д. Статьи и очерки. М., 1958; Из трех книг: Статьи и очерки. Тбилиси, 1970.
- Д ж и б л а д з е Г. Романтики и реалисты в грузинской литературе XIX века. Тбилиси, 1963.
- З а н д у к е л и М. Очерки по истории грузинской литературы XIX века. Тбилиси, 1955.
- Ч и л а я С. Е. Грузинские писатели-демократы конца XIX - начала XX вв.: Литературно-критические статьи. Тбилиси, 1965.
- А с а т и а н и Г. "Мерани" и его автор: О творчестве Николоза Бараташвили. М., 1975.
- Г а ц е р е л и а А. К. Николоз Бараташвили: Краткий очерк жизни и творчества. Тбилиси, 1968.
- Н а т р о ш в и л и Г. К. Слово о Бараташвили. Тбилиси, 1968.

- Г а м е з а р д а ш в и л и Д. М. Даниэл Чонкадзе: Критико-биографический очерк. Тбилиси, 1960.
- Ж г е н т и В. Д. Илья Чавчавадзе: Жизнь и творчество. Тбилиси, 1957.
- Д ж и б л а д з е Г. Илья Чавчавадзе: Жизнь. Поэзия. Тбилиси, 1984.
- А б з и а н и д з е Г. Акакий Церетели: Жизнь и творчество. Тбилиси, 1959.
- А с а т и а н и Л. Жизнь Акакия Церетели. Тбилиси, 1971.
- М а р г в е л а ш в и л и Г. Акакий Церетели: Краткий очерк жизни и творчества, 1840-1960. Тбилиси, 1960.
- Д ж и б л а д з е Г. Важа Пшавела. Тбилиси, 1961.
- Л у н д б е р г Е. Г., Г о г о б е р и д з е Е. Д. Важа Пшавела: Жизнь и творчество. М., 1969.
- Н а т а д з е Н. Важа Пшавела: Краткий литературно-критический очерк. Тбилиси, 1966.
- Ж г е н т и Б. Эгнате Ниношвили: Жизнь и творчество. Тбилиси, 1959.
- Б а р д а в е л и д з е Б. Художественный мир Давида Кидиашвили. Тбилиси, 1986.

*

* *

- А - к к е р м а н Н. Г., С а п а т о в а Т. С. Грузинская литература. Дооктябрьский период: Рекомендательный библиографический указатель. М., 1986.

О г л а в л е н и е

Древняя и средневековая литература народов Закавказья...	3
Армянская литература	6
Грузинская литература.....	20
Азербайджанская литература.....	33
Библиография.....	45
Литературы Закавказья нового времени.....	48
Грузинская литература.....	51
Библиография.....	83

Сергей И с а к о в.
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ.
Выпуск 1.
Учебное пособие для студентов филологического факультета
по курсу "Литература народов СССР".
На русском языке.
Тартуский университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Оликооли, 18.
Ответственный редактор Ю. Пярли.
Подписано к печати 13.12.1989.
МВ 01679.
Формат 60х84/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Условно-печатных листов 5,12.
Учетно-издательских листов 4,77. Печатных листов 5,5.
Тираж 500.
Заказ № 807.
Цена 15 коп.
Типография ТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.